АСТРАМЕЧАЎСКІ РУКАПІС

БРЭСЦКІ РАЁННЫ КРАЯЗНАЎЧЫ АЛЬМАНАХ

№ 1 [33] • 2021

30 студзеня 100 гадоў з дня нараджэння Івана ШАМЯКІНА

Народны пісьменнік Беларусі, класік нацыянальнай і сусветнай літаратуры, акадэмік, лаўрэат некалькіх дзяржаўных і многіх літаратурных прэмій, Герой Сацыялістычнай Працы, франтавік, узнагароджаны ордэнамі і медалямі ваеннага і мірнага часу... Гэта сапраўдны народны пісьменнік, майстар слова, адзін з самых выдатных і вядомых беларускіх празаікаў. Яго героі — блізкія і зразумелыя чытачу людзі. «Глыбокая плынь», «Сэрца на далоні», «Трывожнае шчасце», «Снежныя зімы», «Атланты і карыятыды», «Вазьму твой боль»... Больш за дзясятак раманаў, каля чатырох дзясяткаў аповесцей, з дзясятак п'ес, апавяданні, публіцыстыка, крытыка...

Пачынаў літаратурную дзейнасць Іван Пятровіч яшчэ да вайны, калі быў студэнтам тэхнікума будаўнічых матэрыялаў у Гомелі. Удзельнічаў у літаратурным аб'яднанні пры абласной газеце «Гомельская праўда». У 1945-м у часопісе «Полымя» была надрукавана першая яго аповесць «Помста».

Станаўленне творчай індывідуальнасці Івана Шамякіна адбывалася пад уплывам розных фактараў. Чалавек фарміруецца ў дзяцінстве, гэта агульнавядома. Прыклад бацькі і маці, руплівых працаўнікоў, ранняя самастойнасць і праца, каб зарабіць рубель, сфарміравалі адказныя адносіны да ўсяго, за што браўся будучы пісьменнік.

Ён рана застаўся без бацькоў, на сабе спазнаў увесь жах вайны — ад званка да званка воінам Савецкай арміі прайшоў усю Вялікую Айчынную, цяжка перажыў заўчасную смерць сына, несуцешным болем заставалася для яго страта адзінай і любай жонкі Марыі Філатаўны...

Іван Шамякін прайшоў шлях ад вясковага падлетка, сына лесніка да знакамітага пісьменніка. Больш чым паўстагоддзя ён аддаў працы ў літаратуры, пакінуў нам у спадчыну шмат кніг. Зробленае ім значна ўзбагаціла скарбніцу не толькі нацыянальнай, але і сусветнай культуры. 14 кастрычніка 2004 года Іван Шамякін адышоў у вечнасць.

АСТРАМЕЧАЎСКІ РУКАПІС

БРЭСЦКІ РАЁННЫ КРАЯЗНАЎЧЫ АЛЬМАНАХ

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНАЕ ЛІТАРАТУРНАЕ ВЫДАННЕ

БРЭСЦКІ РАЁННЫ ВЫКАНАЎЧЫ КАМІТЭТ

АДДЗЕЛ ІДЭАЛАГІЧНАЙ РАБОТЫ, КУЛЬТУРЫ І ПА СПРАВАХ МОЛАДЗІ РАЙВЫКАНКАМА

БРЭСЦКАЕ АДДЗЯЛЕННЕ САЮЗА ПІСЬМЕННІКАЎ БЕЛАРУСІ (ГРАМАДСКІ ФУНДАТАР)

БРЭСЦКАЯ РАЁННАЯ БІБЛІЯТЭЧНАЯ СЕТКА

Кантакты:
(+375 29) 20-161-02;
e-mail: kotlas@tut.by
Чытаць анлайн: http://brest-railib.by

16+

Падпісана да друку 9.03.2021.
Фармат 70х100 1/16. Гарнітура PF Agora Serif Pro.
Тыраж 80 экз. Ум. друк. арк. 6,80.
Друк цыфравы. Надрукавана ТДА «Артлайнсіці», г. Брэст, вул. Карбышава, 74.
Арыгінал-макет падрыхтаваны ТАА «Паліграфіка», зак. 27-2021.
Пасв. 1/22 ад 16.08.2013, вул. Кірава, 122, пам. 85, 224013, г. Брэст
тэл. (+375 162) 35-55-67, www.poligrafika.by

1-я с. вокладкі: Пасха.
Малюнак Наталлі Курый-Максімыв

1-я і 4-я с. вокладкі: святочны рушнік

Выходзіць штоквартальна
Мова: беларуская, руская

№ 1 [33]•2021

У НУМАРЫ

Брестскому району — 81 год!

В районном Доме культуры агрогородка Черни прошли торжества, посвященные 81-й годовщине со дня создания Брестского района.

В уютном и теплом фойе гости праздника смогли ознакомиться с масштабной выставкой, на которой были представлены фото самых важных событий, произошедших в Прибужье в 2020 году, а также полюбоваться образцами народного творчества.

Выступая перед собравшимися, председатель райисполкома Владимир Сенчук подвел итоги непростого 2020-го, обрисовал перспективы 2021-го и искренне поблагодарил всех тех, кто помог родному Прибужью выстоять, справиться с проблемами и достигнуть значительных результатов во многих сферах народного хозяйства. Особо Владимир Григорьевич подчеркнул, что среди жителей района удалось избежать паники, связанной с распространением COVID-19. «Когда мы едины, нам многое по плечу», — отметил он.

После этого глава райисполкома приступил к выполнению еще одной приятной обязанности — вручению благодарностей прибужцам за их вклад в развитие сельского хозяйства, перерабатывающей промышленности, культуры, образования и других сфер.

В продолжение мероприятия перед зрителями выступили артисты известных на весь район творческих коллективов. Они устроили яркое музыкальное шоу, которое надолго запомнится всем присутствовавшим.

Антон ПОПОВ,
фото автора

АСТРАМЕЧАВА І АСТРАМЕЧАЎЦЫ

И труд всему единственная мера

Штрихи к портрету передовой доярки ОАО «Остромечево» Валентины Михайловны РОМАНЮК

Валентина Михайловна — человек занятой. В этом я вполне убедился, попытавшись встретиться с ней и поговорить по душам. О чем? Конечно же, об успешной ее работе в качестве оператора машинного доения молочно-товарной фермы ОАО «Остромечево», где она трудится несколько десятков лет. Должность эту мы по старинке привыкли называть «доярка», «доярочка», что вполне соответствует синонимам «трудяга», «труженица» и тому подобное. К сожалению, встретиться с глазу на глаз мне с Валентиной Михайловной сразу не удалось, так как она постоянно оказывалась занятой. То на ферме с коровами, то дома в Остромечево по хозяйству, то в областном центре у одной из своих взрослых дочерей, которым в выходные дни женщина помогает присматривать за малолетними детьми... Словом, забот полным полно. Недостаток личного общения с дояркой с лихвой заменили лестные отзывы о ней работников хозяйства, а также длительные беседы по телефону. Трудовой портрет этой работницы, ее весомый авторитет в коллективе может также ярко дополнить официальный перечень ее наград и достижений.

Родом Валентина Михайловна из села Черче Камень-Каширского района Волынской области соседней Украины. На старых фотоснимках, переданных женщиной в редакцию, Валентина запечатлена в разные годы. Вот она вместе с отцом Михаилом Тимофеевичем Геличем и матерью Верой Дементьевной на фоне украинской хатки, сложенной из тесаного бруса. Вот с группой одноклассников на уборке сахарной свеклы в местном колхозе им. Ленина, год 1978-й... На третьем снимке — с сестрами Татьяной и Людмилой на фоне весенних березок. На следующем — сестры с родителями в домашнем интерьере... Далее — более современные снимки «остромечевского» периода. Правда, не нашлось общего фото этой многодетной украинской семьи со всеми десятью детьми мал мала меньше... Наверное, некогда было им позировать — каждому находилось занятие в повседневном сельском быту и в жизни, каждый, повзрослев, улетал из родительского гнезда. Держали коров, овец, свиней, гусей... Сообща трудились на личном подворье и на колхозных сотках. И каждый, закончив местную десятилетку, стремился продолжить учебу уже в больших городах, отыскать свое место в жизни. А кое-кто остался в родных местах до сих пор. Все это происходило до и после печального развала великой страны СССР...

Так в поисках лучших условий жизни Валентина Михайловна с мужем Вадимом Иосифовичем оказались в белорусском Остромечево. Посоветовал перебраться сюда односельчанин Адам Херло, работавший в то время личным водителем колхозного председателя Алексея Степановича Скакуна. Первое время жили на квартире у знакомых, затем получили собственное жилье в двухквартирном доме. Глава молодой семьи устроился работать водителем, а Валентина — на ферму. Хозяйство развивалось, крепло, проходила техническая, технологическая и организационная перестройка, рабочие руки требовались везде.

Было ли им трудно на первых порах? Наверное, да, как и многим другим. Почти семь лет Валентина Михайловна числилась подменной дояркой на молочно-товарной ферме в Остромечево. Обслуживала группу дойных коров из 50 голов. Вначале доярки трудились с доильными ведрами, затем с молокопроводом, с течением времени ферма перешла на доильные установки «параллель», позже внедрили доильный зал с установкой «карусель». Всего на комплексе 600 голов. И если в начале трудовой деятельности Валентина и ее подруги по работе надаивали по три тысячи литров в год от коровы, то

нынче — более восьми тысяч. Слагаемых успеха — целый набор. Одно лишь неоспоримо: без сноровистых, старательных и добрых рук женщин-доярок любые достижения в молочной отрасли просто немыслимы. Сюда следует добавить и ранние подъемы на дойку, и отзывчивые женские сердца, способные сочетать требовательность с лаской, неутомимость с радушием, любовь к людям и подопечным и многое другое.

Труд на сельской ниве и особенно в животноводстве не из легких, порою однообразный и рутинный, скрывать тут нечего. Но только молодой дивчине, полной жизненных сил и энтузиазма, с детства познавшей цену куска хлеба, было к трудностям не привыкать. А еще нельзя сбрасывать со счетов такие особенности характера и жизненных принципов уроженцев братской Украины, представителей которой немало осело на остромечевской земле, как жизненная стойкость, упорство в достижении цели, задор и в работе, и в веселье. Это именно те «загогулинки», «перчинки», «родовые косточки», которыми выгодно отличаются наши братья-украинцы.

Однако и наши, местные работницы всегда были на высоте. Добрым словом Валентина Михайловна отзывается о своих напарницах Надежде Петручик, Нине Данилюк, Тамаре Шиш, с которыми начинала свою трудовую деятельность в животноводстве. Также благодарна нынешним своим соратницам — Кристине Муц, Ирине Фоминой, Оксане Самосюк, Ирине Пашкевич и другим. Коллектив доярок и животноводов этой фермы всегда считался передовым, а общий успех складывается, как известно, из усилий каждого.

Так уж получилось, что некоторые братья и сестры Валентины Михайловны из волынского села Черче, кстати, по количеству дворов не уступающего агрогородку Остромечево, что называется, разъехались по свету. Кто-то со временем перебрался в Москву и Московскую область, самые старшие сестра и брат — в Тамбовскую и Днепропетровскую, одна из сестер — в Ковеле. И лишь единицы

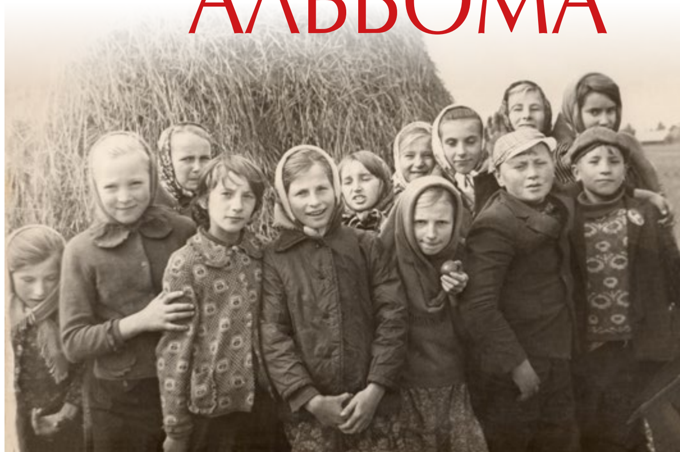
из некогда большой семьи Гелич остались в родной деревне. Там уже нет ни колхоза, ни школы... Родители также, к большому сожалению, ушли из жизни. Но, несмотря на все это, духовная связь с родиной предков не прервалась. У Валентины Михайловны с мужем выросли две дочери, Дарья и Ирина, обе закончили престижные учебные заведения, создали собственные семьи, воспитывают своих детей, живут и трудятся в Бресте. Как и мать с отцом, понимают и знают и украинский, и русский языки, любят украинские и белорусские народные песни. Когда еще были живы дедушка с бабушкой, охотно их навещали.

Когда-то их мать Валентина Михайловна, будучи 19 лет от роду, перед замужеством своими руками вышивала традиционные свадебные рушники. Такая «рушниковая» традиция существует и у белорусского народа, на нашем Прибужском и Припятском Полесье — и все мы этим дорожим и гордимся. Кроме того наши народы связывает общая, насыщенная событиями история, богатое героическое прошлое. А уважение людей, общественное признание у нас определяет, как все прекрасно знают, не национальность, а умение трудиться, вносить свой вклад в общеполезное дело. Ибо труд — и это аксиома — всему единственная мера.

Александр ВОЛКОВИЧ,
член Союза писателей Беларуси

Из семейного АЛЬБОМА

Валентина (вторая справа во втором ряду) с классом на уборке свеклы. Украина, село Черче, 1978 г.

Слева направо: сестра Татьяна, сестра Людмила, Валентина. Украина, село Черче, 1984 г.

Фото в родном доме; слева направо: Валентина, отец Михаил Тимофеевич Гелич, сестра Людмила, мама Вера Дементьевна Гелич, сестра Татьяна. Украина, село Черче, 1984 г.

Возле дома. На фото: отец Михаил Тимофеевич Гелич, Валентина, мама Вера Дементьевна Гелич. Украина, село Черче, 1982 г.

Валентина с мужем Владимиром Иосифовичем Романюком и дочерьми Дарьей и Ириной. Д. Остромечево, 1999 г.

Последний школьный звонок. Украина, село Черче, 1984 г.

Валентина возле родительского дома. Украина, село Черче, 1982 г.

Выпуск 10-х классов Черченской средней школы. Украина, 1984 г.

ЧАРОЎНЫЯ СПЕВЫ І ПАДАННІ СПАДЧЫНЫ

Дзіцячыя ўспаміны Валянціны МАКСІМУК з Вельямовіч пра пачатак Вялікай Айчыннай вайны

Запісала студэнтка БрДУ імя А. С. Пушкіна Ганна Пашко ад жыхаркі в. Вельямовічы Брэсцкага раёна Валянціны Міхайлаўны МАКСІМУК (1938 г. н., мясцовая, праваслаўная)

— Мне было 4 годика. Ну, мы жили семьёй: отец, мать, бабушка, тут рядом жил брат его. Как началась война, значит, начали летать самолёты, а я маленькая в огороде увидела огурец на грядке и потянула отца в это время на огород, и самолёт летел и начал в нас строчить, отец упал и накрыл меня, но самолет полетал, полетал и улетел. Тогда отец схватил меня и ну, дом был туда, немножко дальше, вот это уже новый… и это, ну и всё, прибежали мы домой. А ещё усадьба была у нас через дорогу и туда, дом стоял, как вам объяснить, сарай такой, куда складывали, когда жали збожь, всю вот эту збожь, туда солому, всё-всё-всё туда складывали, большая клуня, с таким участком, как танцевальная площадка, ток, потому что молотили такими цэпами, вот. Ну и он схватил и сказал: «Собирайтесь». А там уже были выкопаны ямы, такие как назывались — схроны.

— *А Вы можете по-вашему говорить, как мама говорила, на диалекте?*

— Ну-у, могу.

— *Куда Вы пошли?*

— Мы пошлы в той схрон. Отец мой, брат его, бабушка отца, я и мама. Значит, нас уложили там. Это было, ну, может, 3 часа дня, солнце-солнце было, и мы выскочили, в чём стояли, ну, в чим булы. Ну, и всё и ужэ, значыць, дэ-то там сказалы, шо идуць нэмцы.

Наш схрон не один был, было там прикопано очень много, в каждого хозяина там. Ну, и они пришли, немцы, такие ну были с этими пулемётами или винтовками, я нэ знаю, это, рукава засаны, в касках и начали, значит, разговаривать по-немецки и начали строчить в этот схрон. Потом вышел отец, они сразу его уложили, а добивали прикладом, потом брат его вышел, его тоже уложили, потом бабушку вытянули, и её тоже, потом вытащили меня, вот так, за ножку, и об землю бросили, и маму, и начали что-то говорить, значит, уже всех убили, только осталась я и мама. Шо-то между собой поговорили и потом меня опять за ногу и так вот тянули к этому вот хлеву, затянули, там везде, значит, это сено, они взяли спички и зажгли, и сами вышли и закрыли ещё, ну и всё. Мама говорит: «Всё, мы не выйдем, потому шо не могу я, хотя бы тебя как-нибудь выброшу». Она начала руками, как это называется, теребить землю там, потом, значит уже, ну, горит всё, представляете, солома, как она горит.

Я потеряла сознание этим угарным газом и всё. Мама вилы нашла и начала вилами этими, чтоб хоть где доску проломать и выбросить меня, и, может, Бог дал, кусок доски отломался, и она выбросила меня. Самой пролезть через эту дырочку невозможно, но начала как-то там это, но я уже на улице лежу, и начала, начала, и сама вылезла. Выкинула меня, вылезла, схватила меня, начала плакать, я неживая, и пошла сюда, к своему дому и в огород, а там в огороде раньше не садили картошку, как сейчас, а сеяли коноплю.

И начался дождь, и это уже был вечер, начался дождь и благодаря этому дождю всю ночь просидели в этих коноплях и, ну, я начала дышать, и тогда мама утречком на заре схватила меня и пошла в деревню. Я не знаю, где эта деревня, но где-то возле Пружан — Збунин.

И пошла в эту деревню, а чего пошла, не знаю, может, с нервного этого потрясения или что, все побитые лежат, и когда мы вышли, вот там вот есть дорога в Лышчыцы, называлась «Русиха», когда она вышла...

— *Русиха — это так дорога называлась?*

— Ну.

— *А чего так называли, не знаете?*

— Не знаю. И по этой «Русихе» мы шли, шли очень далеко, а немцев стояло, они с этими, не машинами, а повозками были, и подойдёт, мама говорит: «Тиф», а они очень боялись тифа, и вот так рукой махнут и всё, а я на плече висела. «Тиф, тиф, тиф» — и с этим тифом мы пришли в Збунин. Не знаю, как она в первую хату зашла, люди добрые были, приняли, всё, мы уже там заночевали, они там начали меня отхаживать, травы какие-то мне давали, и всё, на утро уже мама говорит: «Вы посмотрите её, я пойду, мне надо похоронить, там столько людей убитых наших». Такое солнце, жара была, наверно, градусов 30, может больше. Мама ушла, и приехали уже не немцы, а называли их мадярами. Ну, они лучше были, в такой же самой одежде, но они не били, а наоборот, они мне давали какие-то таблетки, мне лучше стало. Потом уже к вечеру дали мне шоколадку, чтоб я с этой травкой попила, я вот эту шоколадку съела, и вечером уже пришла мама.

И мы ещё там побыли на завтра один день и ушли уже сюда, потому что мама тут их только понакрывала, шоб не так солнце, а надо было хоронить, перевезти на кладбище, на могилки и их хоронить, всех вот этих убитых. И так вот. Значит, мы пришли сюда, мама пошла хоронить, я осталась тут вот, ну, шо, ну представьте, 4 года мне... Соседи тоже все, у всех кто-то был убитый. Ну и всё, я вам и рассказала то, шо я видела и запомнила.

— *А дальше что было?*

— Ну, представьте: вот моя мама пришла, ни хаты нима, ничего, вот в чём стояли — в том остались, а были богатые, там вот вяз был, убили кабана перед войной, и вот эти окорки повесили на этом вязу — всё забрали, разной крупы позакапывали в огороде — всё выбрали, до иголочки.

— *А какое у Вас образование?*

— Среднее медицинское, я операционной сестрой отработала 30 лет.

— *Спасибо Вам большое!*

Запіс 2014 г.

Увага: захаваны асаблівасці мясцовай гаворкі

Вяснянкі

Вяснянкі

1. Вол бушуе — вясну чуе — 2 р.
Воран крача — сыру хоча. У-у-у
Дзеўка плача — замуж хоча.
Не крач, воран, — нажарэшся,
Не плач, дзеўка, — нажывешся.

2. Ой, чырачка-пташачка,
Не залетай далечка. У-у-у
Не залетай далечка,
Не занось майго венчыка.
Бо мой венчык-барвенчык,
Бо ён ужо мне патрэбчык.

3. Вясна-вясна на калочку — 2 р.
Не напрала на сарочку.
Вясна-вясна на прыпечку
Не напрала на світэчку.
Вясна-вясна да й на печы
Не напрала ды й на плечы.
Вясна-вясна ў калітцы
Не напрала на спадніцы.
Вясна-вясна да й на ганку
Не напрала на вышыванку.

4. Пумажы, Маці, нам вясну гукаці.
Божа, дай, Божа, дай,
Божа, пумажы. — 2 р.
Зарадзі, Божа, жыта густыя,
Жыта густыя, каласістыя.
Хоць адзін колас, дык на ўвесь голас,
Хоць адно зярно, дык на ўсе гумно.

Жаваронaчкі, прыляціце

1. Жаваронaчкі, прыляціце,
Вясну красную прынясіце,
Каб сонейка засвяціла,
Каб сьнег белы растапіла,
Каб садзікі расквяціла. Гу-у-у

2. Жаваронaчкі, прыляціце,
Зямлю-матухну абудзіце
І дожджыкам напаіце,
Каб травачкі нарасьціла,
Каб волікаў накарміла. Гу-у-у

3. Жаваронaчкі, прыляціце,
Цёпла лецейка прынясіце,
А зімачку прыбярыце,
Бо зімачка надаела —
Нам хлебчыкі пераела.

Харашо вясной
(карагод)

1. Харашо вясной да поле чыстае,
Вой лі, вой люлі, да поле чыстае,
Муравой травой да поле ўкрашана,
Усё цвяточкамі да ўсё душыстамі,
А ранняй вутраю да прымаражу я
Ад сырой зямлі да жыта краснае,
К небу чыстаму да падымаецца
Залатой (і) колас (і) да расцвітаецца,
Залатой (і) колас (і) да наліваецца,
Залатой (і) колас (і) да паспяваецца.

2. У полі, у полі, гэй на раздоллі
Зеляно, зеляно віно,
У нядзелю рана суджано.
У полі, у полі сівы конь ходзіць,
Сівой-вароны, хораша ўбраны.
Хто ж яго спаймаў, хораша ўвабраў,
Сеў да паехаў да й на цесця двор
Да той Аленкі, сьлічнай паненкі.

3. Дзякуй Богу, што вясна прыйшла. — 2 р.
Я малода каля жыта пайшла.
Расці, жыта, караністае,
Караніста лапушыстае,
Каб у трубы пакачалася,
Каб я малада нажалася
І снапочкаў нанасілася.
Багаславі, Божа, Прачыстая Маці,
Вясну загукаці, зіму замыкаці.
Лета ў карэце, зіма ў вазочку
Па белым сняжочку.

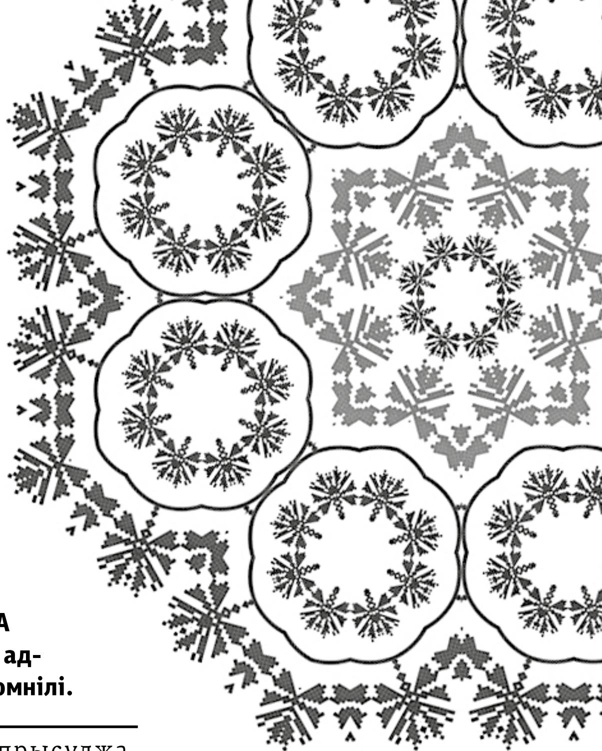
4. Ой, у полі, у полі пава лятала
Лелёй, лелёй, лелёй, лёй!
(пасля кожнага радка)
Пава лятала, пер'е раняла,
Усё пушыстая, залацістая,
А тым слядочкам Танечка ішла,
Пер'е збірала, у рукавок клала.
З рукаўка брала, вянок зьвівала,
А звіўшы вянок, пайшла ў танок,
Правую руку міламу дала,
Другую руку свёкру падала.

Мядуніца *(карагод)*

Мядуніца, мядуніца лугавая,
Ой, лугавая.
Чом ня пахнеш,
Чом ня пахнеш па усім лузе,
Ой, па ўсім лузе.
Як мне пахнуць,
Як мне пахнуць па ўсім лузе,
Ой, па ўсім лузе.
Стары бабы, стары бабы прысядзелі,
Ой, прысядзелі.
Маладухі, маладухі прыстаялі,
Ой, прыстаялі.
Красны дзеўкі, красны дзеўкі
прыскакалі,
Ой, прыскакалі.
Малы дзеткі, малы дзеткі
прытаптталі,
Ой, прытапталі.

http://old.talka.info/kcvjaty2.html

Дзень роднай мовы

У календары ёсць такое свята — Міжнародны дзень роднай мовы, які адзначаецца штогод 21 лютага. Больш за шэсць тысяч моў налічваецца ў нашым рознакаляровым і рознагалосым свеце. Палова з іх пад пагрозай знікнення. Менавіта дзеля іх захавання ЮНЕСКА і абвясціла Дзень роднай мовы, каб хоць аднойчы на год на іх загаварылі, пра іх успомнілі.

З нагоды гэтага свята Астрамечаўская бібліятэка сумесна з Домам культуры правялі конкурс чытачоў «Мілагучная родная мова». Удзельнікамі яго сталі 17 хлопчыкаў і дзяўчынак, якія вельмі добра падрыхтаваліся. Аднак строгае журы пры падвядзенні вынікаў вызначыла трох самых лепшых удзельнікаў. Сярод іх першае месца было прысуджана Кацярыне Сянько за верш «Мая Радзіма», другое — Надзее Дабрынец за верш «Я — дзяўчынка», і трэцяе месца — Ульяне Сідарук за верш «На прыродзе». Усе ўдзельнікі атрымалі сувеніры і салодкія прызы.

Тамара ЛАШЧЭЎСКАЯ

НАРОДНЫЯ СВЯТЫ І ЗВЫЧАІ БЕРАСЦЕЙШЧЫНЫ

«Ой, а шо то за вэрба, шо бэз короня росла?»: вобраз вярбы ў фальклоры Брэстчыны

Іна ШВЕД,
доктар філалагічных навук, кіраўнік лабараторыі «Фальклварыстыка і краязнаўства» БрДУ імя А. С. Пушкіна

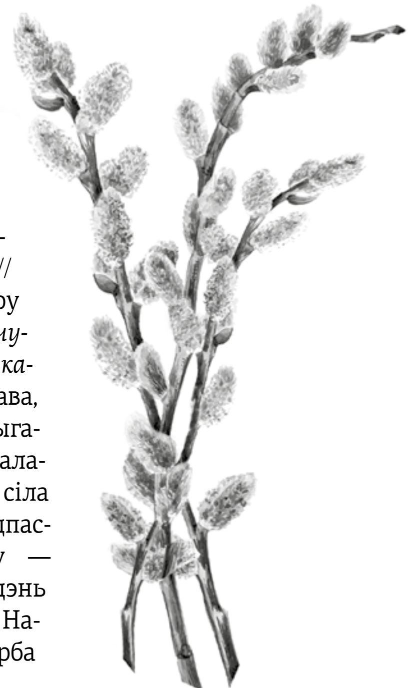
Па берагах рэк, сажалак, у мяшаных лясах, на забалочаных лугах і каля дарог расце адна з самых любімых беларусамі раслін — вярба. Вярба (Salix) — род лістападных дрэў (вышыня якіх дасягае 20 м) і кустоў сямейства Вярбовыя. На Беларусі ў дзікай прыродзе вядома шмат яе відаў, напрыклад, вярба ломкая, вярба белая, ракіта, брэднік, вербалоз, жаўталоз і іншыя. Назвы вярбы (і яе частак) у беларускіх дыялектах засноўваюцца на такіх яе якасцях, як гнуткасць («чырвоных» ці «белых») галін, здольных сплятацца, наяўнасць спецыфічных кветак, падобных да поўсці жывёл («коцікі»), сувяззю з пэўнымі жывёламі (казіная вярба, мышалоз) і гэдак далей. Сярод іншых прыродных уласцівасцяў вылучаюцца лёгкае размнажэнне і вялікая жыццёвая сіла вярбы, што разам з хуткім ростам і самым раннім цвіценнем абумовіла прыпісванне вярбе сімволікі плоднасці, нараджэння, здароўя, хуткага развіцця. І гэта нягледзячы на тое, што ў шэрагу тэкстаў вярба асэнсоўваецца як пустая, бясплодная, і плады на ёй (напрыклад, грушкі) выяўляюцца як неверагоднасць, дзіва.

Беларусам, як і іншым славянам, характэрна шырокае выкарыстанне маладой вярбы з прадукавальнымі мэтамі, у прыватнасці ў абрадах сця-

бання галінкамі людзей (часта дзяцей). Пры дапамозе кантактнай магіі, праз дотык-сцябанне, намагаліся перадаць жыццёвую моц, уласцівую вярбе, чалавеку і свойскай жывёле. Разам з тым сцябанне вярбой магло быць пакараннем, як у вясельнай песні: «Ой, проводыть Манючка гостойкэ // За далэкэ широкэ мостойкэ. // Ой, вэрнэся, Манючка, додому, // Бо грозэцця свікорко вэрбою» *(Радастава Драгічынскага р-на).*

Даследчыкі звязваюць уваходжанне язычніцкага сімвала вярбы ў абраднасць Вербнай нядзелі, сярод іншага, з яе ўласцівасцямі хутка аднаўляцца, з ідэяй Уваскрашэння. Асвячоныя галіны, пастаўленыя ў ваду, хутка пускаюць карэнне, а пасаджаныя ў зямлю, прарастаюць. Раяць: «На Вербніцу вербу взять, посвятіть, в хату не заносіть, а на агароде, еслі хочеш, только воткнуть в землю, ана расті буде» *(Орхава Брэсцкага р-на).* Гэтыя ўяўленні адбіліся і ў народных песнях пра дзяўчыну ці баладзе пра ўдаву: «Ой, а шо то за вэрба, // Шо бэз короня росла? // Ой, шо то за ўдова, // Сэм літ бэз мужа жыла? // Породіла два сына...» *(Фядоры Столінскага р-на).*

За тыдзень да Вялікадня, у нядзелю, як вядома, святкавалася Вербніца («Вэрбное»), калі ўпрыгожаныя галінкі вярбы асвячалі ў храме. «Украшена вэрба була, са свічэчкой у сэрэдыні. Украшена ленточкою, звязвалася ленточкою і бантіком. І прывозыла з цэрквi, я, напрімер, матері давала. То вона за іконку хавала» *(Пескі Бярозаўскага р-на).* «Чыплялы цветочкы. Раньшэ, ну, с бумажок зделають цветочкы, ленточку повісять. Ленточкыю звяжэш там. Ны одну кветочку нысэш, а букетік такы. Ну і всё. Дохаты прынэсэш і ў хаты поставыш» *(Лозы Брэсцкага р-на).* Потым гэтымі вербачкамі сцябалі сваякоў, найперш дзяцей, дзеля здароўя, росту, актыўнасці-жвавасці, што суправаджалася адпаведнымі заклінальна-магічнымі прыгаворамі: «В нас, як прэдыш з цэрквы, вжэ свячона тая вэрба, прэдыш — там діты наб'еш. Говорымо так: «Вырба б'е, ны я б'ю, // За тэждынь Вылэкдынь. // Ны будь сонлэва, дрымлэва: // На літо волэ пасты, // На зэму кудэлю прасты». І вжэ тую вэрбу, вжэ як паскупычу, то вжэ в пічкэ даю» *(Пагубяцічы Брэсцкага р-на).* «Бралі гольку вербы і білі ею всіх, гуворачы: «Вырба б'е, ны я б'ю. // За тыждынь Вылыкдынь. // Будь здорова, як зымле, // Будь высёла, як высна, // Ны будь ду сну сонлыва, // А ду руботы лынывa» *(Белін Драгічынскага р-на).* «Прыходылы зразу з церкві, як прыходылы з церкві, это самое, і былы по рукам, по ногам: «Вэрба б'е, нэ я б'ю. За тыждэнь Вэлікдэнь. Шоб здоровенькі буў, рус...» *(Пескі Бярозаўскага р-на).* «З боку до боку б'ю вэрбою, шоб здоровы быў. Будь здоровы як вода, расті, як вярба» *(Орхава Брэсцкага р-на).* «Не я б'ю, вярба б'е, // За тыджэн Вялікдэнь. // Не сцыся, не сярыся, // Батьку, матеру прасіся» *(Мачулішча Камянецкага р-на).* Цікава, што ў такіх прыгаворах сцвярджалася сакральная сіла вярбы і перадпасхальнага часу — «За тыждэнь Вылыкдэнь». Напрыклад: «Вэрба

б'е — // Не я б'ю. // — Якая? // — Святая! // За тыждэнь Вэлыкдэнь. // Будь жыў, не ўмірай — // Вэлыкодня дожыдай» *(Моталь Іванайскага р-на)*; «Вэрба бье, нэ я бью, // За тыждэнь Вэлыкдэнь. // Будь здурова, як зэмля; // Будь быгушча, як вуда» *(Скокі Брэсцкага р-на)*, «Вэрба б'е — не я б'ю, за тыдзень — Вялікдзень, просі бацька, маці, коб учылі пацер» *(Стараволя Пружанскага р-на)*. Характэрна, што напоўненая жыццёвымі сіламі маладая вярба становіцца стэрэатыпам (і крыніцай) весялосці: «Вырба б'е, ны я б'ю. // Будь здоровы, як корова, // Будь шмыткыю, як пчэла, // Будь высёлый, як вырба» *(Лозы Брэсцкага р-на)*; «Ны я б'ю — вырба б'е, // За тыждэнь Вылыкдэнь. // Чырвоное коко — // Вылыкдэнь ныдалёко. // Коб була высёла, бы вырба, // Здорова, як вода, // А богата, як зымля» *(Леснікі Драгічынскага р-на)*.

Надаючы вярбе значэнне пладавітасці, як адзначае Т. Агапкіна, народная традыцыя тым самым прынімае ўласна вегетатыўную сілу вярбы за вытворчы пачатак, які нібыта можа быць перададзены ад вярбы — зямлі, скаціне, хатняй птушцы і нават жанчыне (сялянкі на беразе Нёмана прыходзілі да вярбы прасіць пра пасланне ім дзяцей). Такім чынам вытворчая сіла атаясамліваецца з вегетатыўнай. Гэта тым больш заўважна, што значэнне плоднасці прыпісваецца дрэву, якое ў іншых выпадках характарызуецца менавіта як бясплоднае, і гэтая бясплоднасць з'яўляецца асновай цэлага шэрагу фальклорных сюжэтаў, галоўным чынам легендарных [1].

З вярбой абыходзілі гаспадарчыя пабудовы, статак, ёю сцябалі свойскую жывёлу, «свішчэнною вырбою абходылы корову, шоб літом ны кусалы говодні» *(Асаўцы Драгічынскага р-на)*. Вярбу пакідалі ў хаце за іконамі, а таксама ў хляве. «Як Вэрбныця, утром ідэмо до цэркви і святымо вэрбу. Постоялы службу і прыходымо дохаты. І б'емо этою вэрбою і говорымо: «От боку до боку, вербою по боку. Ны я б'ю — вэрба бье, за тыждэнь Вылыкдэнь». І пожылання говорымо. І вэрбу свячону ставымо за ікону. І веточку нысэмо в хлів, шоб Господь остэрыгав жывотных» *(Лукава Маларыцкага р-на)*.

Вярбой таксама першы раз на пашу выганялі скаціну: «То первый раз как выганялі, то вербой. [А потым вербу] ставілі в хате, або в сарае» *(Скокі Брэсцкага р-на)*. «Вясною, калі кароў выводзяць на пашу, на парог кладуць яйцо і ставят воду. Калі карова пярэднімі нагамі ступіла за парог, ёй на спіну выліваюць воду і б'юць вярбой, каб яна здаровая была. Гэта абязательно. Каб яна год сходіла, і не балела» *(Тухавічы Ляхавіцкага р-на)*. «На Юр'е называлі «ісці на росу». Жыто ўжо вяліко. І вот кароў ужо выганяюць. І бяруць вярбінку, каторую ў цэркі вісьвеньцяць, ужо па карові пашлопаюць, каб Бог даў усё шчасліво» *(Падлаззе Ляхавіцкага р-на)*. «Святую вэрбіцу бярэш, ото посвяцяць, вэрбніца мы кажам, вэрбынку святую, і жэнэш коріўку» *(Стахава Столінскага р-на)*. «Каждый пастух трымав в руках свячоную вырбу. Пэрш, чым выгнаты курову з хлыва, чыталы мулітвы: «Ратуй, Божэ, мую худобу ўд булезні, зглаза, // Хай ны чэпляйыцця ду йэйы всякая зараза. // Хай паша смачныю йый будэ, // Дурогу в хлів хай нэ забудэ. // І шоб надойы мулука лылыся просто, як рыка» *(Чэрск Брэсцкага р-на)*.

Вербачку, з якой абыходзілі статак, утыкалі над дзвярыма хлява. Асвячоную вербачку ў якасці абярэга маглі пакідаць і ў полі: «На Юр'я ўсе людзі выходылы на вуліцу з песнямі і аглядалы свої палеті... Тыркалі ў зямлю асвячоную вербачку, каб град нэ побіў ураджай» *(Кустын Брэсцкага р-на)*.

На працягу года вербачку захоўвалі за іконамі як абярэг, выкарыстоўвалі яе для адгону ад градавых хмар, перуна і іншае: «Ну я прывозыла з церкві сразу бабе, і вона ее туды — во як вісіт ікона, ручнік, і туда затыкалось і все, до следушчу. Тую, значіт, в печке спальвалі, а следушчу пріносылы... А чего она? Шоб грому деті не боялісь, я уже забыла за чо. Мама шо-то пріговарівала, як клала туда, шоб діты грому не боялісь» *(Пескі Бярозаўскага р-на).* «А вербу святылы з-за того, шо вона всю нэчысту сылу з дома отгоняе. І як выгонялы пэршы раз на пашу скотыну, тэю вэрбою так поб'ют, коб од хворобы, од всіх бед зашчытыты скотю» *(Гарэлкі Жабінкаўскага р-на).* Мінулагоднюю вербачку спальвалі ці затыкалі пад страху: «Вжэ кулы на Паску печку топят, то вжэ бросают [вербачку] в печку. Ту старую, которая год простояла. А нова знов стоіт» *(Скокі Брэсцкага р-на).* Не толькі самі галіны, але і прадметы, якія з імі судакраналіся, надзяляліся магічнай сілай — да прыкладу, стужка, якой звязвалася асвячоная вярба: «Маленькаму, каб не сурочылі, вяжуць на руку лентачку, якой перавязваюць вярбу на Вербніцу» *(Гошчава Івацэвіцкага р-на).*

Такім чынам, вярба ахоўвала ніву, гаспадарку, дом і апекавалася яго жыхарамі, асабліва жыхаркамі. Параўнаем прыгавор з Камянеччыны, які суправаджаў сцёбанне дзяўчыны шлюбнага ўзросту: «Вярба б'е, нэ я б'ю, // За тыждэнь Вэлыкдэнь. // Собырайся, убырайся, // Замуж выбырайся». Вярба прысутнічае і ў магічным акце шлюбнай скіраванасці: на Вербніцу «чтобы девочки замуж вышли, брали три зёрнышки, отрывали и их жевали и глотали. И эта девочка, она должна выйти замуж. Вот это святое, это помогало» *(Доўбізна Камянецкага р-на).* Падпаленай вярбой акурвалі хворых. Жыхарка Калдычэва згадвае, як яе «лекавала шаптуха», паклаўшы ля ее ног падпаленую галінку вярбы, «каб падыхала» *(Баранавіцкі р-н).* Жанчына з вёскі Вельямовічы апавядае: «Это перед Пасхой, Вербная неделя. Вербу святишь и приносишь домой. Если что-нибудь бывает в хате, что дети маленькие что-нибудь испугаются, брали свячоную воду и вербочку и кропили ребёнка» *(Брэсцкі р-н).*

У фальклоры беларусаў вярба, надзеленая высокім статусам, сакралізаваная, «залатая», «новая», «тонкая-высокая», «лісця шурока», «кучаравая», «кара дубовая», «лісце лаўровае», «з расіцаю», якая размяшчаецца ў цэнтры гаспадарова двара і «верхам неба ўпірае», набывае рысы Сусветнага дрэва. Яна звязана з верхнім ярусам светабудовы, сонцам, небам, храмам, дарогай (як у загадцы «Стаіць вярба і ў кожны двор галіна»). Вярба (ці лазовы корч) таксама асацыіруецца са шматгаліновасцю вялікага роду, дабрабытам, багаццем, персаніфікуе абрадавых персанажаў, як у хрэсьбіннай песні: «На дварэ вярба сукаватая, // На куце кумка ўсё й багатая» (ці вярба сукаватая — гэта «бабка ўся гарбатая»).

У паэтычных тэкстах вярба сімвалізуе маладосць, прыгажосць, вясёласць, дзявочасць ці жаночасць. У песнях на любоўна-шлюбную тэматыку вярба выяўляецца месцам любоўнага спаткання, як, напрыклад, у прыпеўке: «Ой, хто там ідэ // Помыж вэрбамы: // Чы то мый, чы то твый // Світыть рэбрамы» *(Моладава Іванаўскага р-на).* Вярба фігуруе ў зачынах вясельных песень: «Чырвона калына, // Жовта вырба, // Шось тыбэ, сыночок, // Довго ныма. // Чы твоі коныкы забрано, // Чы тобі шлюбоньку ны дано? // — Ой, дано мні шлюб, // І в пору зачыныв тэстынько в комору. // — Пускай мынэ, тэстынько, додому, // Мо, в могo

батынька мэд, выно п'ють, // Мынэ, молодого, довго ждуть» *(Восаўцы Драгічынскага р-на).* Вербы палягаюць, як маладую вязуць да вянца: «Ой, поляглэ вэрбойкэ, поляглэ, // А кудэ ж нашу Ганночку повазлэ? // Чараз тую горойку крутую // Тай у тую царквойку святую» *(Лелікава Кобрынскага р-на).* З зялёненькай вярбой асацыіруецца маладзенькая дзяўчына: «Ой, вэрбо зылынэнькая, // Як на тобі голлечко гнэцця. // — Ныхай гнэцця, тай поломыцця, // Такы на мні лысток найдыцця. // — Ой ты, дівко молодэнькая, // Як за тэбэ молодці б'юцця. // — Ныхай б'юцца, тай поладяцця, // А на мэнэ хай ны надіяцця. // Як я зросту, як я выросту, // Той я пойду тай за старосту. // За старосту, за старэнького, // За пысара молодэнького. // А в старосты в бороді вошы, // А в пысара в кышэнях грошы *(Белін Драгічынскага р-на).* У вясельных песнях нявеста выяўляцца «высокай, як вярба» («Вынось, маты, діжку, // Прывез сын нывістку, // Высаку, як вырбыну, // Хорошу, як калыну!» *(Леснікі Драгічынскага р-на).* «Нахілёная вярба» — гэта заручоная дзяўчына («А ў полі вярба нахілёная, // Маладая дзяўчыначка заручоная, // Заручоная і запітая. // Тады яе запівалі, як сад зацвітаў. // Як сад зацвітаў, як зара ўзышла...» *(Востраў Ганцавіцкага р-на),* «разавёная вярба» — нявеста пасля завівання; вярба, якая хіліцца ў розныя бакі «ад кораня да кораня», «адхіляецца ад лазовага корча» — гэта маладая ў час развітання з бацькамі, сваім родам.

Разам з тым з вярбой звязана дзяўчына, нешчаслівая з-за няздзейсненых мар пра каханне: «В огороді вэрба росла, // В огороді вэрба росла, // Там стояла дівка красна. // Вона красна, шчэ й красіва, // Вона красна, шчэ й красіва, // Йі доля нэ шчаслыва. // Йі доля нэ шчаслыва, // Нэма того, што любыла, // Нэма його дай нэ будэ, // Розлучылы злыя люды *(Бярозаўскі р-н).* Цікава, што сухое дрэва можа быць не пазбаўлена прымет жыцця (мае зялёнае лісце). Тады праз яго сімволіку выяўляецца мара лірычнай гераіні аднавіць страчанае каханне, адшукаць каханага: «Сухая верба, сухая верба, // А на ней лістья зелена. // — Куда ты ідёшь, де выезжаеш // Ты, мій міленькій, від меня? // Як бы я мала орлыні крылья, // Як бы ўміла літаты, // То політыла б на Украіну // Свого мілого шукаты. // Лечу я нічку, лечу я другу, // А міленького не бачу. // Ой, сяду, сяду в вішнёвом саду, // Сяду то й горко заплачу. // А с той хаты выходыт маты, // Своего сыночка пытае: // — Шчо то за пташка, // Шчо то за пташына, // Шчо в нашым саду літае?» *(Стайкі Івацэвіцкага р-на).*

У шэрагу песень з вярбой сімвалічна асацыіруецца жанчына, няшчасная ў замужжы: «Вэрбо, вэрбо, дэ ты росла, // Шчо твоё лісце вода знэсла? // Знэсла вода по край сэла, // А я молода, як ягода. // А я молода, як ягода. // Пойду замуж за п'ятого, // Да за п'яныцю проклятого...» *(Камянецкі р-н).* У іншай лірычнай песні, як дзень за днём вада размывае вярбовае карэнне, так цяжкае жыццё, непасільная праца ў доме мужа атручваюць маладыя гады жанчыны. У баладзе пра тое, як свякруха закляла нялюбую нявестку ў дрэва, маладзіца «абярнулася вярбою». Глыбінная лучнасць вярбы і жанчыны выяўлена ў занатаваным А. Сержпутоўскім павер'і пра тое, што нахіленыя над вадой вербы — гэта праклятыя Богам маці, якія страцілі сваіх дзяцей. Жаночая сімволіка вярбы падмацоўваецца таксама сугуччам назвы яе віда «іва» з імям Ева. У замовах на вярбе ў гняздзе знаходзяцца цар і царыцы змей з імям Ева, Ев і падобнымі [1].

Увогуле, уяўленні пра лакалізацыю вярбы ў нізкіх, вільготных мясцінах,

схіленасць дрэва над вадой (прыгадаем прыпісаны вярбе смутак) абыгрываюцца ў многіх фальклорных кантэкстах. Гэты факт прыроднага размяшчэння розных відаў вярбы ля вады мог абумовіць яе медыятыўную функцыю. Размешчанае на мяжы «таго» і «гэтага» светаў дрэва становіцца локусам водных дэманаў, русалак. У сухую (крывую, дуплістую) вярбу, як канстатуе парэмія, закаханы чорт. У русальнай песні вада, якая цячэ з-пад вярбы, можа вярнуць да жыцця душы памерлых. Русалкі просяць у дзяўчат падаць «водыцы з холодной крыныцы, з-пад тэі вэрбыцы, ой рано-рано, з-пад тэі вэрбыцы», «душу прычастыты, да жызнь вэрнуты» *(Бярозаўскі р-н)*. У чарадзейнай казцы «Дудка» з сюжэтам забойства старэйшымі братамі малодшага, які аказаўся спрытнейшым за іх, забітага хаваюць у мурашніку. З яго вырастае вярба, з якой пастушкі робяць дудку і праз яе дазнаюцца аб праўдзе забойства. У баладах пра смерць малойца шумлівая вярба выступае яго апошнім зямным прытулкам. На вярбу, размешчаную ў замовах на моры, лукамор'е, балоце, калодзе, у канцы сяла, пераносяць з чалавечага свету хваробы. Так, у замове з Жабінкаўскага раёна немач чалавека высылаецца «на вэрбы, на лозы, на білы бэрозы», гэта значыць, у чужы, далёкі свет, засветы. Тое ж асэнсаванне маюць лозы ў прыгаворы пры сцябанні каровы: «Нэхай злые ўрокі ідуть на лозы. // Короўка, ході, молоко носі».

У вясельных песнях пры дапамозе вобраза вярбы мадэлюецца перавернуты, карнавальны свет: вярба з'яўляецца на гарбу ў сватоў, а на ёй размяшчаецца дэманізаваная птушка: «Мы думалы, сваты богаты, // Ажно горбаты, // А на горбу — вырба, // А в тій вырбі — сова, // Лапамы пырыбырае, // Сватам гочы выдырае» *(Ляхавічы Драгічынскага р-на)*. Дарэчы, тым, хто парушаў забарону на купанне ў вадаёмах, пагражалі, што ў іх на пэўнай частцы цела вырасце вярба, гэта значыць парушыцца раўнавага, упарадкаванасць свету. Калі госці не жадалі «на ноч гледзячы» пакідаць гасцінную хату, спявалі: «Мікашэвічцы, добрыя людзі, // Не выпраўляйце нас сярод ночы, // Бо выдзерэ ды сава вочы. // А на дарозе ды вярба стаіць, // А на вярбе ды сава сядзіць, // Яна сядзіць ды азіраецца, // Пераезаўцаў дажыдаецца» *(Мікашэвічы Лунінецкага р-на)*.

Звязаная з вільгаццю, ніжнім і верхнім ярусамі светабудовы, вярба фігуруе ў абрадах выклікання нябеснай вільгаці — дажджу. У дзіцячых закліччках на гэтым дрэве ставяць гаршчык з боршчыкам, які павінен праліцца падобна дажджу. У вяснянках у рэшата, пастаўленае на вярбе — важным атрыбуце культава-абрадавай дзейнасці беларусаў, — дзяўчаты складаюць «напетыя песенькі», што сігналізуе пра заканчэнне сезона спявання вясновых абрадавых песень [2].

Вярба, такім чынам, персаніфіцыравала чалавека, звязвалася з ідэямі вітальнасці, плоднасці, адраджэння, росту, шлюбу, душамі памерлых, рознымі ярусамі светабудовы і сферамі тагасвету, канцэнтравала і праводзіла ў чалавечы свет яго моц.

Літаратура:

1. Агапкина, Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: ива, верба, ракита (род Salix) // Славянский альманах. — М., 2014. — № 1–2. — С. 283–302.

2. Швед, І. А. Раслінныя сімвалы беларускага фальклору. — Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2000. — 159 с.

«Ідэтэ ўжэ клічце вэсну»: Запусты на Брестчине

Инна ШВЕД

В христианском и народном календаре на восьмой неделе перед Пасхой (срок может сдвигаться от 3 февраля до 14 марта) отмечается Масленица. Проводы зимы («Запусты», «Запуски», «Заговыны», «Загавенне») — это обычно последний день Масленицы. «Как называлась неделя перед Великим постом? — Сырна, Прошчальна... Праважалі зіму, гукалі вясну; рыхтаваліс да Вялікага паста» *(Черни Брестского р-на)*. На Запусты разрешались (и предписывались) праздничные гуляния, пение, танцы, веселые катания-гощения (соответственно вторник у католиков, воскресенье у православных). «На Запустах спевалы шмат песень» *(Кустын Брестского р-на)*. В то время как взрослые ходили друг к другу в гости, молодые люди договаривались с хозяином, чтобы тот пустил их в дом наладить допоздна потехи, танцы. «Запусты — свято, шо пачыналася ў няделю і было яно тры дні. Кожны з гэтых днёў людзі «гавеліся» (елі колькі хацелі мяса): у нядзелю — 5 разоў, у панядзелак — 7, у аўторак — 9. Абавязкова варылы капусту. У аўторак вячэралі а 12 гадзіне ночы і абавязкова ўжывалы кілбасу. А ў сераду пачынаўся Вэлыкі пост, шо цягнуўся аж да Вялікадня» *(Кустын Брестского р-на)*.

Смыслом праздничного времени было ритуальное обжорство, при помощи которого моделировалась будущая «сытая жизнь». Говории: «І хоть з сэбэ всё заложыты, а Масленіцу проводыты»; «На горках пукататысь, в блінах повалятысь»; «Бэз бліна ны Маслена»; «А на Масленный ныділы в путолок бліны лытілы» *(Яблочное Малоритского р-на)*. В Пинском районе после ужина на «Запуски вэликописные» немытые ложки всех родственников связывали поясом хозяина и клали на «прыпек». В Брестском районе, чтобы распознать деревенскую ведьму, с сыром, который ели на «Маслены запусты», шли на «Всеночну». Вообще, считалось, что те, кто ходит что-либо одалживать накануне больших праздников, являются ведьмами. «Знаеце, ведзьмы ходзяць большынство на большые празднікі, як на Пасху, чы вот на Троіцу...» *(Орхово Брестского р-на)*.

В южных районах в последний день Масленицы могли провожать зиму. «Ходылы хлопцы с киямы, стукалы, крычалы: «Ходы, зіма, до Кучова, бо ты нам надокучыла». Шлы, кіямі трыхалы

і трыхалы. Кучова — это сыло дальшэ. В каждой вулыцы своі хлопцы, зборня была» [1, с. 98]. «Хлопцы і дзяўчаты выходзілі з кіямі, стукалі ў сцены хат і гукалі: «Іды, зіма, до Кучэва, // Бо ты нам наскучыла!» *(Мотоль Ивановского р-на)*. Согласно таким текстам, персонифицированные отрезки календаря способны передвигаться в пространстве: удаление зимы из своей деревни представляется как ее движение в соседние либо далекие поселения. «Ідзі, зіма, да Кіева, // Ужо ж ты нам надакучыла. // Ідзі, зіма, да Кракава, // Не вертайся да нас адзінакава. // Ідзі, зіма, да Крывіцы, // Забірай свае рукавіцы» *(Омельная Ивацевичского р-на)*; «Іды, зыма, до Кракова, // Прыды до нас однакова. // Іды, зыма, на Лукы, // Шчоб сховаты ў клуню санкы. // Іды, зыма, на Пыстрыцы, // Шчоб сховаты хучій рукавыцы» *(Горбаха Ивановского р-на)*; «Іды, зыма, до Кракова, // Прыды до нас однаково. // Іды, зыма, на Лучкі, // Шчоб ны трэба булэ саночкі» *(Сворынь Дрогичинского р-на)*. Вообще, в многочисленных календарно-обрядовых текстах персонифицированным отрезкам времени приписывается движение на характерных для данного сезона транспортных средствах, например, Коляда ездит на белых конях, в возе. В связи со сказанным характерна следующая запись, относящаяся к «гуканню вясны»: «Білы булкамі адну аб другую і прыгаворвалы: «Блаславі, Божа, // Зіму замыкаты, // Літо отмыкаты. // Зімою — у возочку, // Вясною — ў чаўночку, // А улеце — у карэце» *(Мачулище Каменецкого р-на)*.

Одновременно с проводами зимы «на Маслэніцу вэсну ўжэ спэвалы: «Вэсна-красна бочку жыта вынэсла»; «На Запускі вэсну клічуць. Бывало, ўжэ баба на манэ скажэ: «Ідэтэ ўжэ клічце вэсну». Мы выдэм на сэло і спэваем:

***

За горою,
За горою выл бушуе,
Выл бушуе,
Выл бушуе, вэсну чуе.
Не бушуй, воле,
Не бушуй, воле, набушуессэ...

Да, бувало, ужэ з дэвок смэюцца, ўжэ такую песню споваюць:

«Об чуб дрэнькі на ліхо дэўкі,
Запускі прошлі, а вы замуж не ішли».

Заклинательные мотивы звучат в обрядовых песнях типа:

Сонэйко, выйды
Зыму зомыкаты,
Зыму зомыкаты,
Вэсну зоклікаты.
Зымою — ў вазочку,
Вэсною — ў чаўночку,
А ў цёплым леце —
У золотой карэце.
(Кустын Брестского р-на)

Наступало время пения веснянок:

Вжэ літо наступае,
Маты сынка пробуджае:
— Вставай, сынку, хопыть спаты,
Пора коз на пашу выгоняты.
— Чужы козы напаслыся,
А нашы у хлыві настоялыся.
(Остромечево Брестского р-на)

***

Віл бушуе — высну чуе, (2 р.)
Ворон крачэ — сыра хочэ, (2 р.)
Дівка плачэ — сына хочэ,
Ворон крачэ, пудлытае, (2 р.)
Дівка сына спувывае.
Ворон крачэ — сыр быленькі, (2 р.)
Дівка плачэ — сын маленькі.
Ворон крачэ, сыра з’йівшы, (2 р.)
Дівка плачэ, сына мівшы.
(Кустын Брестского р-на)

***

Жаворонок, ранняя пташочка,
Чого так рано з выраю вылятаеш?
— А там пры дорозе —
снягі ды морозы,
А я тыя морозы
ногамы растопчу.
(Кустын Брестского р-на).

***

Ой, девочкі-селяночкі,
Заспівайтэ весняночкі.
Цілу зіму зімовалы,
Хлопцам на штаны не напралы.
Оно одын дэ клубочок,
На уснову і на ўточок.
Оно одын дэ клубішчэ,
На уснову і на утышчэ.
(Рудск Ивановского р-на)

***

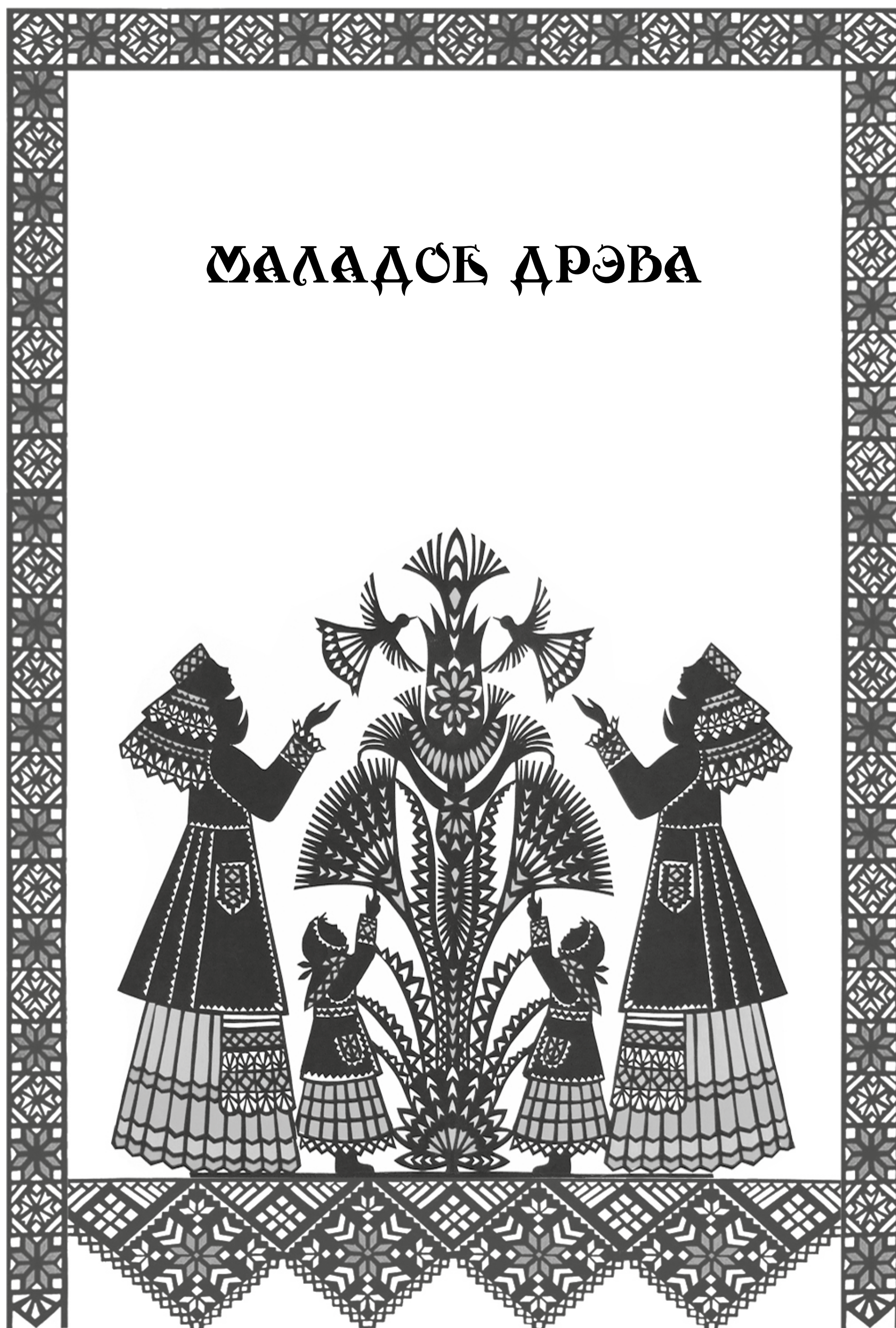
Благословы, маці,
Вісну заклікаці,
Зіму провожаці.
— Ой, вісна, вісна,
Шчо ты нам прінесла?
— Принесла нам в хату
Шчастя богато!
(Лыщицы Брестского р-на)

После Масленицы (у католиков — в «Папяльцовую» среду) начинается семинедельный Великий пост, когда воздерживаются от пищи животного происхождения, за исключением рыбы, от увеселений, ругани, осуждения других и подобного. В первый день Великого поста («Полоскозуб», «Зубополоскіны») устраивали небольшое застолье, ходили в гости к бабкам-повитухам и одаривали их. После этого посуду тщательно отмывали от жира.

Литература:

1. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 4: Брэсцкае Палессе. У 2 кн, кн. 1 / В. І. Басько і інш. — Мінск : Выш. шк., 2008. — 559 с.

МАЛАДОЕ ДРЭВА

...И глаза, горящие от счастья

Традиционно в преддверии новогодних праздников во всей стране проходит благотворительная акция «Наши дети». Прошедший год не стал исключением. В этой акции приняли участие и представители 48-го отдельного батальона радиоэлектронной борьбы. Мероприятие организовывалось в составе Брестского гарнизона, поэтому в нем участвовали военнослужащие всех воинских частей города над Бугом.

Люди в погонах посетили ГУО «Социально-педагогический центр г. Бреста», поздравили детишек с наступающим Новым 2021 годом и Рождеством Христовым, вручили им долгожданные подарки.

Воспитанники центра, конечно, ответили словами благодарности и горящими от радости глазами... А еще подготовили интересный утренник, на который пожаловали в гости сказочные герои Баба Яга и Кикимора, Дед Мороз с внучкой Снегурочкой.

Каждый ребенок перед Новым годом ждет сказку. Обязательно со счастливым концом. Согласитесь, в наших силах осуществить эту светлую детскую мечту.

В Прибужье — яркие звездочки

Сразу четыре диплома завоевали юные звездочки Прибужья в III Международном фестивале-конкурсе «Белавежская зорка».

В нынешнем году он прошел дистанционно, жюри оценивало творческие выступления детей, записанные на видео. Финальные итоги подвели 6 декабря. Среди участников из Беларуси, стран ближнего и дальнего зарубежья были отмечены и учащиеся детских школ искусств Прибужья. Дипломом I степени награжден ансамбль цимбалистов «Кветачкі» из Мухавецкой ДШИ. Представители Чернавчицкой ДШИ завоевали сразу две награды: диплом III степени — у пианистки Марины Криштапович; диплом лауреата III степени — у ансамбля ударных инструментов «Колокольчики». А баянист Арсений Хивук из Знаменской ДШИ стал лауреатом II степени. Примечательно, что не осталось незамеченным и участие молодого специалиста Мухавецкой ДШИ, учителя музыкально-теоретических дисциплин Анны Гладковой. Талантливый педагог получила диплом лауреата III степени в номинации «Вокальный жанр».

Людмила РАКОВИЧ,
учитель ГУО «Мухавецкая ДШИ»

Ожерелье талантов подрастает в Клейниковской ДШИ

Таланты детей не остаются незамеченными. Несмотря на острую эпидемиологическую обстановку, учащиеся и учителя Клейниковской детской школы искусств не прекращают расти в творческом и образовательном уровне, активно участвуют и приносят победы, заявляя о себе на разных уровнях.

Особенно громких побед в различных конкурсах и фестивалях в нынешнем году добились учащиеся отделения изобразительного искусства. На одном из последних, районном смотре-конкурсе детского рисунка «Прыбужскія каляды – 2020» они заняли 8 победных и 14 призовых мест. Лучшими из лучших стали

Мира Шумко, Виктория Гуща, Елена Гончарук, Дарья Селюжицкая, Ульяна Котовская, Алевтина Денисюк, Мария Свирская, Евфрасия Кононова. Свои работы юные художники представили на тематической выставке. Наполненная волшебной атмосферой рождественских и новогодних праздников, очарованием белоснежных пейзажей, сказочными мотивами и ожиданием чудес, экспозиция украсила фойе культурного учреждения. Свою безграничную фантазию дети смогли ярко проявить на живописных полотнах благодаря опытным педагогам школы: Виктории Солейчук, Ирине Шулежко, Наталье Зеленко, Владимиру Тулупову, Веронике Козуб. Под их чутким руководством учащиеся постоянно показывают впечатляющие результаты. Так, на VII Международном конкурсе детского рисунка «Дружат дети на планете» среди более 4,5 тысяч участников из 27 стран мира профессиональное жюри определило 85 победителей в номинациях «Живопись», «Графика» и «Смешанная техника». В их число вошли и ученики Ирины Козуб: Анна Деменчук, Анастасия Гришко, Елизавета Губанова.

Не менее впечатляющие результаты у учащихся музыкального отделения, которые постигают искусство игры на цимбалах, духовых инструментах, баяне, фортепиано под руководством педагогов Ирины Ковтун, Олега Пожарного, Валерии Клениной, Светланы Козуб. На прошедшем недавно II Открытом региональном фестивале-конкурсе детского творчества «Хрустальная снежинка» лауреатами различных степеней стали сразу четыре юных исполнителя: Евгений Макаревич, София Рункевич, Михаил Кучияш, а также Арина Бренько, которая завоевала сразу две награды — в соло на фортепиано и в вокале. А ноябрь стал поистине «звездным» для юных музыкантов. На V Международном конкурсе искусств «Хрустальный василек» лауреатом II степени стал саксофонист Иван Кузьмик. Его младшая сестричка Варвара также учится в школе по классу флейты, и вместе с братом уже пробует выступать дуэтом. Еще один юный талантливый ребенок, цимбалист Федор Покало завоевал в нынешнем году сразу две награды. На II Международном конкурсе исполнительских искусств «Осенний звездопад» ему присудили звание лауреата II степени, а на Международном фестивале творчества «GomelFest» — диплом I степени.

Наталья ТОЛКАЧЕВА

Подарили детям радость

Новый год и Рождество — особое время! Это пора сказок, чудес, хорошего настроения, счастья и, конечно же, подарков. Дети верят в чудеса, которые в их жизни могут свершаться только благодаря любви и заботе родителей, близких людей.

Уже не первый год Клейниковский сельисполком проводит предновогодние встречи для детей-инвалидов и многодетных семей. Вот и нынче Дед Мороз, сложив в мешок подарки, ожидал ребят в сельисполкоме. Для детей появление сказочных персонажей, да еще и с подарками стало настоящим сюрпризом! Малышня не растерялась и рассказала Деду Морозу стихи, а со Снегурочкой спели песенки.

Председатель Клейниковского сельисполкома Елена Мельник считает, что дарить детям праздник, радость и веселье — важное и нужное дело, особенно сейчас, когда всем нам из-за сложной эпидемиологической ситуации не хватает общения с близкими людьми. Елена Петровна также выразила искреннюю благодарность и признательность коллективу Брестского филиала РУП «Белтаможсервис» за помощь в организации акции, за доставленную радость детям, а также пожелала всем здоровья, благополучия, успехов во всем в наступающем году.

Праздник удался благодаря совместным усилиям, а помогли создать хорошее настроение детям работники Клейниковского Дома культуры.

ЛІТАРАТУРНАЯ СЯДЗІБА

Моему другу,
журналисту Александру Ивановичу Леоновцу,
безвременно ушедшему из жизни,
посвящается

Поминки кабанчика в деревне Збураж

«Деревня Збураж Малоритского района Брестской области» — значился обратный адрес на почтовом конверте, пришедшем на мое имя в один из теплых дней уходящей осени.

Адрес и почерк отправителя принадлежали Павлу Даниловичу Назаруку, бывшему партизану, ветерану войны. Писал он обычно шариковой ручкой, мелким каллиграфическим почерком, почти не признавая запятых.

Начиналось ветеранское послание весьма необычно, чем и заинтриговало:

«Уважаемый Александр Михайлович! Приглашаю Вас на поминки кабанчика, которые состоятся...»

Далее следовали время и место встречи, неплохо знакомое мне, а также моему дружку Саше Леоновцу, заведовавшему на тот час военно-патриотическим отделом в областной газете «Заря». (Впоследствии он работал спецкором «Советской Белоруссии»).

— Что, дядько, думаешь по поводу? — спросил я Саню при встрече, имея в виду точно такое же приглашение, лежавшее у него на столе. Обращались мы друг к другу по Леоновцом же заведенной и предпочитаемой форме «дядько». Иногда — «старик».

— Надо ехать! — как-то обреченно ответил «дядько» Леоновец, всем своим видом демонстрируя тяжесть свалившейся на нас ответственности. И ежу было понятно, что зовет нас сельский житель на свежину. То бишь, на застолье в честь заколотого по осени хряка.

Почесать «патылицу» — по-русски «затылок» — было от чего. Адресант, Павел Данилович, как мы уже знали, отличался завидным хлебосольством, и очутиться в его гостеприимной власти, на его же территории, было чревато. Зато манила возможность послушать рассказы ветерана, общаясь с ним в домашних, располагающих к откровенности, условиях.

Едем!

Журналисту собраться — только подпоясаться. Так и я. Легкую курточку — на плечи, блокнот и ручку на всякий случай — в карман, диктофон для пущей важности — тоже, и айда на пригородный железнодорожный вокзал, где была назначена встреча с Леоновцом. Отправляться должны были утренним (субботним) дизель-поездом до райцентра Малорита. Оттуда до Збуража — рукой подать.

Саша — пижон. Явился на вокзал за пару минут до отправления, при полном параде. В элегантном костюмчике, в белой выглаженной рубахе и при галстуке. В руках — небольших размеров, плотно набитый портфельчик. Там, судя по всему, джентльменский набор для поездки «малого круга» — туалетные, бритвенные принадлежности и бумаги для писанины.

Легкий парусиновый плащ Леоновец держал перекинутым через согнутую в локте руку. Благоухал хорошим марочным одеколоном, лоснился свежевыбритыми пухловатыми щеками. Кавалер, да и только! КрасавЕц! И вдобавок лыбился своей знаменитой подкупающей улыбкой: дескать, простите, если что не так, но вот я какой, другим быть не могу...

В таком своем, кстати, обычном повседневном виде Саша сражал наповал всех собеседников, в особенности женщин, и они липли к нему, как пчелы к меду. Однако не было в Леоновце приторности сорокалетнего героя-любовника в традиционном типаже. Просто он всегда был самим собой — симпатичным, общительным, обаятельным мужчиной, как принято называть, представительского среднего возраста. К таким сразу тянутся и доверяют безоговорочно.

Пиджачок на пуговицы не застегивал. Не пузатый мужичок, не жирный, а в самый раз — плотный. Вальяжно раскованный.

В дороге под стук колес разговорились о нашем герое. Газеты, вынутые по привычке, тут же отложили в сторону.

— Согласись, Павел Данилович — мужик решительный!

— Имеешь в виду его недавнюю поездку в Тбилиси?

— Хотя бы и ее. Это надо же — поперся в черту на кулички, чтобы встретиться с генералом, бывшим командиром дивизии! Каладзе его фамилия?

Слово за слово мы с Саней вспомнили ту знаменитую поездку в Тбилиси обоим нам симпатичного Павла Даниловича Назарука.

Услышал как-то ветеран по всероссийскому радио призыв генерала Каладзе, проживавшего в Тбилиси, откликнуться однополчан — и тут же засобирался в дорогу. По фамилии, по голосу узнал старый солдат своего бывшего командира. В составе одного соединения освобождали Беларусь, Польшу, воевали в Восточной Пруссии.

Как ни отговаривали жена, дочери — поехал, встретился, книгу с автографом генерала о боевом пути родной дивизии обратно в Збураж привез. То-то было гордости и похвальбы.

— А что, генерал самогонку белорусскую пил? — допытывались мы с Саней у Павла Даниловича после его возвращения и посещения редакции.

— Пил. Хвалил — хороша, мол, чертовка!

— И салом закусывал?

— А что он, магометанин? Я хоть на фронте с комдивом за одним столом в блиндажах не сиживал, с одного котелка не хлебал — рылом не вышел, зато знаю ихнего брата, грузин да других кавказцев — мнут сальцо за милую душу! От сала, говорят, ноги не потеют!

— И, конечно же, коньячком грузинским генерал угощал?

— Не, вином виноградным. Хворал заметно.

Здесь и ниже я буду цитировать слова Павла Даниловича и его односельчан, что называется, в переводе. Общался он с нами, да и в быту на привычном с детства языке своей местности, на так называемом полесском наречии, перемешивая слова и выражения белорусские, украинские, русские, польские, еврейские и какие угодно. Так разговаривали его отец и мать, его деды и прадеды. Как известно, своя ноша не тянет. Все мы от земли, от сохи, куда уж от этого деться! Хотя с непривычки можно порою и задуматься над сказанным «шчырым» полешуком на языке родных осин.

Встретили мы, например, на автостанции (рядом с ж/д вокзалом) по

приезду в райцентр рыбачка местного — в резиновых сапогах, с пучком удочек в руках, и на традиционный, ни к чему не обязывающий вопрос «Клюет?» абориген малоритского розлива завернул выраженьице, которое не сразу удалось понять:

— Ватр дма. Вакунь не клюе.

Семантическая абракадабра, как мы сообразили, означала дословно: «Ветер дует, окунь не клюет».

Людям, сведущим в рыбацких делах, познавшим специфику регионального языкового общения, — а знатоками мы с Саней себя без лишней скромности считали — сразу стало ясно: хмурым ветреным днем нашего прибытия даже такая всеядная и клевоохотная рыба, как прожорливый окунь, ловиться в местных озерах, равно как и в мелиоративных каналах, не намерена, а поэтому мы, господа хорошие, явились в субботний день в здешние края совсем зазря, хотя по нашему виду не скажешь, что прибыли панове на рыбалку. А коль возле воды в такую погоду нормальному человеку делать нынче нечего, то не проще ли будет попить вместе пивка по случаю встречи и выходных, а может, употребить чего и покрепче?

Пояснения «синоптика» сопровождались выразительными красноречивыми жестами с покашливанием и щелканьем заскорузлыми пальцами.

И надо же было его зацепить!

Так как кучковаться «на троих» в наши планы не входило, то мы скоренько со случайным собеседником распрощались и продолжили уже на автобусе намеченный ранее маршрут.

Нас ожидала впереди компания гораздо достойнее и интереснее, нежели разочарованный в рыбалке и в питейных доброхотах незнакомец.

...Стол был накрыт в хате Павла Даниловича на славу. Судя по всему, поминальное слово кабанчику хозяин намеревался превратить во встречный марш именитым гостям в лице заезжих газетчиков.

Румянились на тарелках куски жареного свиного мяса вперемежку с пышными ломтями горячего сала; искрилась розовым срезом с крапинками проваренной гречневой крупы «кровянка», или «кишанка», как на польский манер называют в селах кровяную колбасу; внушительная сковорода посередине стола выглядела мишенью для пулевой стрельбы, где круги попадания были выполнены завитушками крепко прожаренной колбасы; пастельными тонами аппетитно теплились в меру пропеченные дольки свиной печени, вымоченные перед жаркой в молоке; отдельно лежал плотный кирпич свежайшего сальтисона с баночкой горчицы сверху; дымилось паром главное блюдо — почти ведерная кастрюля с уже заправленной вареной картошкой по соседству с квашеной капустой и солеными огурцами; раскрытыми ладошками приглашали селедочницы с разделанной магазинной скумбрией пряного посола и салатницы с маринованными грибами хозяйского сбора; на любителя предназначался пласт улежавшегося проперченного сала; горками громоздился по краям нарезанный ржаной хлеб и вразнобой — сырые куриные яйца, красные осенние помидоры, золотистые яблоки-антоновки и графины с охлажденным фруктовым компотом.

То, что стояло в стеклянной таре частично на столе и главным калибром — в соседней с гостиной комнате, перечислять не стану. Достаточно было мимолетного взгляда приезжих, дабы почувствовать естественные в нашем положении неловкость и конфуз. Привезенные с собой парадная бутылка ко-

ньяка и баночное пиво никакой конкуренции с приготовленным изобилием не выдерживали. Ожидалось от хозяина что-то подобное, однако не в таком количестве и ассортименте.

Вид у нас с Сашей был, наподобие сморщенных моченых яблок, также присутствовавших на столе.

Чувствуя, что переборщил, Павел Данилович примирительно-извиняющимся тоном стал оправдываться:

— Ну, что вы, хлопцы, что вы... Проходите, не стесняйтесь. Сейчас мои партизанские дружки подойдут. На всех было приготовлено, уж не обессудьте...

Хозяин — барин. И в праве ли мы были упрекать его за радушие, за хлебосольство?! Тут уж, как говорится, хлеб ешь, да правду режь. Что гости и сделали, поотнекиваясь, поломавшись, как и положено ради приличия. А там и другие приглашенные подгадали — не намного моложе главы гостеприимного дома. Такие же потертые жизнью, годами и перенесенными испытаниями старички-ветераны с орденскими планками на дешевых бязевых пиджаках. Иван Олипа и Степан Тышук — как представил их Павел Данилович. Так уж получилось, что воевали они в годы войны в разных партизанских отрядах, действующих в округе, а потом вместе уходили на фронт — кто под Варшаву, кто под Кенигсберг. Всем троим повезло — вернулись живыми.

Через какой-нибудь час-другой посиделок, основательно выпив и закусив, говорили собравшиеся за столом все разом и вразнобой. К нашему с Сашей внутреннему разочарованию, никто из них не заводил речь о прошедшей войне. Блокноты и диктофон оставались без дела.

Павел Данилович на правах главы дома руководил застольем. Тосты поднимал, обращаясь в основном к Леоновцу, давно уже за предыдущее время знакомства почувствовав в нем верховодческую натуру. Сашин представительский авторитет присутствующие приняли безоговорочно. Беседовал он со всеми по-местному, в выражениях не церемонился. Вмиг собеседники оказались у него «дядьками», «братами», «шаноўнымі панамі-дабрадзеямі». А после того как мой дружок дотошливо выпытал у супруги хозяина кулинарные рецепты наиболее «мудрагелістых» блюд, как то запеченной утки в сметане, и при этом продиктовавший под запись свой собственный, в чем Леоновец был в журналистской холостяцкой среде признанным авторитетом, — то и женская половина застолья в лице жены и взрослой дочери хозяина были им окончательно взяты в плен.

Словом, проявил себя Леоновец таким, каким и являлся по рождению и в жизни: в деревне — деревенским, а в городе — городским.

И какое застолье без песнопения? Саша и тут оказался при деле и на высоте. Пробежался пухлыми пальцами по кнопочкам баяна, оказавшегося в хате, словно рояль в кустах, голову в завитушках на меха склонил. Запел вполголоса неплохо поставленным баритоном. Как будто в эти минуты сидел где-нибудь в Старосельском партизанском лесу на пенечке, тоскуя басами:

— Ой, туманы мои, растуманы,
Ой, родные леса и луга!
Уходили в поход партизаны,
Уходили в поход на врага.

В точку угадал баянист, в самую тютельку! Не популярный, любимый всеми «День Победы» исполнять сразу начал (играл и пел потом и тухмановско-харитоновский «День»), не иную парадную мелодию, а попроще,

поскромнее, именно ту, которая сидящим за столом бывшим лесным солдатам ближе и дороже, и откуда они начинали свой скорбный путь к Победе — про лес партизанский, про великие наши печали, про горючую нашу слезу...

Не помню, как остальные, а я уж точно рассиропился, слушая легендарную партизанскую песню образца 1942 года, украдкой наблюдая за раскрасневшимися, захмелевшими стариками-ветеранами, громко, не в лад и не в строй повторяющими речитативом вслед за баянистом слова песни своей молодости.

Наверное, именно в те минуты, в той гостеприимной деревенской хате, в тот подкравшийся незаметно вечер я окончательно утвердился в мысли, не раз посещавшей меня в профессиональных творческих раздумьях: далекое военное время и эти люди в нем — самое дорогое и ценное, что они имеют в своей большой и трудной жизни. И каковыми бы ни были их фронтовые и партизанские заслуги, в каком бы месте вселенского раздрая, называемого войной, ни вращались по воле обстоятельств, однако есть в судьбе каждого партизана, каждого фронтовика, выжившего и не дошедшего до нашей Победы, свое Куликово поле, своя Курская дуга, своя Прохоровка. И свой суровый Брянский лес. И каждый из этих нынешних старичков пронес через все это собственные страхи, печали, утраты и боль. Нам, не нюхавшим пороха, в полной мере понять и прочувствовать сие не дано. Разве что — записать рассказанное, домыслить недомолвленное, красивостей и патетики добавить.

Кивком, мимикой Леоновец дал мне понять: не вздумай вытаскивать и включать диктофон, все испортишь...

Но только упорно не желали вспоминать наши застольные друзья о прошедшей войне. Ни в какую разговорить их не получалось...

Павел Данилович принялся с Сашей Леоновцом сорта яблок обсуждать — тоже мне, пузаны-собеседники крутобокие, обое — рябое.

Иван Олипа про корову-кормилицу да нехватку пастбищ балакал.

А Степан Тышук больше на закуску налегал.

Имелись на столе чарка и шкварка — чего еще человеку требуется? Наголодались в своей партизанке и на фронтах, набедовались сверх всякой меры эти старики. Вот и радовались обычному, простому, земному, о чем и сказать-то толком не умели, хотя кровь за все это проливали.

Потом сообща мы перелистывали хозяйский семейный альбом. Публика, там представленная, — молодая, еще живая: кумовья, зятья, сватья. Со стриженными под «полубокс» затылками под гражданскими кепками, в широких брюках-клеш и пиджаках в крупную линейку. И ни одной фотографии геройского солдата Назарука. Кроме госпитальной, где он запечатлен в больничной пижаме, с костыльком в руках, на фоне кустов и колонн бюргерской усадьбы, приспособленной под лазарет где-то в Восточной Пруссии.

Только ему и делов было на фронте, чтобы фотографам позировать!

И все-таки войну в разговоре вспомнили. Самое трудное для этих мест время — партизанское. Ни один из наших сотрапезников в суровую годину фашистской оккупации не предпочел в дремучих лесах да на глухих хуторах отсидеться, от ворога хоронясь — все подались в партизанские отряды. С семьями, с детишками, со скотиной. Это потом уже возвращались с боями

на стылые пепелища, на разоренные гнездовья. И без передышки — опять в огонь и в полымя.

— Наш отряд в Старосельском лесу Ковпака встречал, а потом дальше в рейд с ним многие отправились, — вспомнил вслух Павел Данилович.

Лучше бы не начинал.

Казалось, дремавший над тарелкой Степан Тышук враз встрепенулся, голос подал. Мол, Ковпак Сидор Артемович, легендарный партизанский командир, рейды свои с территории Украины в Белоруссию совершал. Мы с ним из Столина направление на Сандомир держали. А под Брест он за всю войну никогда не захаживал.

Иван Олипа свои пять копеек вставил: дескать, в 44-м по пинским лесам вовсе не Ковпак проходил, а украинский партизанский генерал Сабуров, вместе со своим соединением. То-то шороху наделали!

Хозяин, раздосадованный, приподнялся со стула, ладошку к столешнице припечатал:

— Много-то вы знаете, хлопцы!

И только один Саша Леоновец нашелся, как поступить в тот момент, дабы назревавший бесплодный спор подвыпивших старых людей, не дай Бог, не перерос в неожиданную, никому не нужную размолвку.

— Дурень думкой богатеет! — во всеуслышание ляпнул он, как будто бы ни с того ни с сего, ни к кому персонально не обращаясь, а вместе с тем давая понять каждому, как тот выглядит в глазах окружающих в данную минуту. А если подумать, если книжки умные полистать, то окажется, что каждый из спорящих по-своему прав. Стало быть, нечего и огород городить, добрую компанию мутить.

— Ну ты и парламентер! — восхищенно штурхнул я Сашу в бок после того, как боевой народ угомонился и беседа перешла в гастрономическо-политическое русло.

Мужички-партизаны, как выяснилось, тоже ушлыми оказались, поэтому бодягу за столом больше не разводили.

Только мы с Леоновцом, как мне тогда казалось, в накладе остались, ничего из героического прошлого этих людей так и не услышав и не записав.

... Провожали нас к автобусной остановке поздно вечером. Можно было уехать и утренним рейсом — хозяева уговаривали заночевать — но мы решили, что пора и честь знать.

Деревенька Збураж — такая же неброская, как и облик наших сопровождающих. Дома под шиферными крышами, огороженные серым штакетником. Сады пожелтевшие вокруг видавших виды хат. Приплюснутые строения колхозной фермы за околицей. Где уж было успеть за короткий световой день разглядеть и понять характер, норов и откровения тех и других!

Мы шли по пустынной пыльной улице села, как ходят в праздники веселые хмельные компании — развернутым строем на всю ширину гравийки. Никого не боясь и не стесняясь, с полным осознанием своей невысказанной правоты.

Гремела медь оркестра.

Парадные коробки звонко печатали шаг по мостовой.

Бравый Командующий приветствовал торжественные шеренги уставным приветствием.

Стараясь держать равнение на фронтовиков, шагали в общем строю двое, донельзя счастливых брестских газетчика.

Александр ВОЛКОВИЧ

У нас в гостях

Любительское объединение юных журналистов, поэтов и прозаиков «ПЕГАС» Мухавецкого СДК

(руководитель Владимир Ящук)

Любительское объединение «ПЕГАС» организовано при Мухавецком сельском Доме культуры в сентябре 2018 года.

Основу коллектива составили дети и молодежь от 7 до 35 лет, занимающиеся различными видами творчества (театром, пением). Среди них учащиеся Мухавецкой средней школы, работники предприятий города.

Юные литераторы пробуют писать на заданные темы, возбуждая фантазию и воображение посредством сочинения небольших сказок, притч, сценариев, рассказов, басен, стихотворений.

На своих заседаниях участники коллектива регулярно обсуждают собственное творчество, а также приглашают на них поэтов-земляков.

Слово о руководителе коллектива

Владимир Николаевич Ящук — уроженец г. Жабинка Брестской области. По образованию театральный музыкальный режиссер, вокалист, журналист. Работал на творческих должностях в учебно-театральных и музыкальных учреждений и коллективах Бреста, Минска. Лауреат престижных музыкальных конкурсов. Создатель Народного театра «Зеркало» при Доме культуры железнодорожников Брестского отделения БелЖД.

С литературными произведениями печатался в журнале «Неман», газетах «Літаратура і Мастацтва», «Знамя юности», «Железнодорожник Беларуси», «Заря», в «Настаўніцкай газеце».

Владимир Николаевич также руководит созданным им же при СДК театральным кружком «Зеркало». С удовольствием занимается с ребятами и журналистикой. Он известный режиссер и актер, кроме того уже много лет пишет для театра пьесы, рассказы, сказки.

Николь АРУТЮНЯН

Девочка и мобильная игра

Девочка по имени Маша очень любила играть в мобильные игры. Порой она заигрывалась до такой степени, что ей стали мерещиться разные ужастики. Бывало, зайдет в подъезд своего дома, а на ступеньках 33 гигантских паука. Придет в свою комнату, а там ожидают ее разные страхи. Мама заметила такое странное состояние девочки и спросила: «Маша, с тобой все хорошо?» Но Маша упрямо молчала. Увидев в руках дочери телефон, мама решительно вырвала его, не забыв взглянуть на монитор. А там увидела такие страхи, что у самой сердце обледенело от неожиданности. У нее приключился шок от увиденного...

С тех пор Маша не играет в прежние игры, так как у нее совсем нет мобильного телефона...

Митя в Великоиграниии

Где-то на свете жил себе обыкновенный мальчик по имени Митя. Да не таким простым человеком он был, как казался для окружающих. Для себя он был фантазером. Как известно, тот, кто много придумывает историй разных, тот не так прост, как кажется.

Так вот... Однажды вечером как всегда он лег спать. И в эту ночь, уже под утро, ему приснился сон: как будто он в школе и отвечает урок у доски. Учительница просит у Мити, чтоб он написал на школьной доске названия стран, которые он знает. Мальчик долго выводил мелом названия известных ему стран и когда дошел до самой любимой — Великобритании, написал отчетливо «Великоиграния». Именно в этом месте сна его разбудила мама, приказав: «Митя! Надень шорты и майку!» Мальчик про себя подумал: «Что это с мамой? Обычно она всегда спешит, а сегодня и посуду помыла, и завтрак приготовила? Что ж такое с ней случилось?»

Он тихонько зашел на кухню, заглянул в холодильник и, увидев там большущий торт, 18 кексов и любимый лимонад, вспомнил, что именно сегодня у него день рождения.

Желая доставить радость сыну, мама с папой отвезли его в игровую комнату. Там уж Митя вместе с одноклассниками дал волю своей фантазии. Каждый из детей воображал, что он находится в космосе на планете Игрошар. Но именинник, вспоминая свой недавний сон, представлял, что он находится на самой прекрасной из всех планет — Великоиграниии!

Вот так мечты могут воплощаться в реальности.

Милана КЛИМОВЕЦ

Новогодний подарок

Когда-то очень давно в одном очень маленьком городке, похожем на поселок, жила-была девочка. Звали ее Маша. Шесть лет она прожила в хорошей семье. Но потом... Под самый Новый год ее родители уехали в соседний городок за подарками. Долго ждала Маша своих родителей. Скучала и огорчалась, но они не возвращались.

Вдруг в дверь кто-то постучался. Машенька радостно рванулась открывать, думая, что родители вернулись. Но когда выбежала на крыльцо, то увидела, что перед ней стоят какие-то незнакомые люди. Неизвестные спросили, как ее имя. Девочка ответила, не таясь. Незнакомцы вежливо усадили ее в повозку и увезли в неизвестном направлении.

Целых шесть лет никто не знал о судьбе девочки. Некоторые даже забыли о ней. А девочка все это время жила в детском доме. Никто ведь ничего не объяснил бедняжке. За эти годы девочка много раз спрашивала о своих родителях, но никто ничего не смог ответить.

И вот опять наступил Новый год. Который...? Маша сбилась со счету. Трудно ведь считать года, когда рядом нет родных людей. Для всех Новый год — праздник, а для Маши он грустнее, чем поминки.

В детском доме, где жила Маша, всех ребят собрали вместе и приказали идти на рынок торговать елочными игрушками. Игрушки были самодельными, но детскому дому надо было заработать немного денег, чтоб купить поощрительные призы хотя бы для тех, кто делал эти игрушки.

Маша шла по рынку и пыталась представить, что ей надо было делать, чтоб продать игрушки. Торговля, как назло, не заладилась, и из сорока игрушек девочка смогла продать только двенадцать. Совсем неожиданно ее взгляд перекинулся на двоих детей, которые понуро-задумчиво сидели на старых досках возле суетливых торговцев, у которых все ладилось. Этих деток она совсем не знала, но все же спросила:

— Отчего вы такие грустные?

— Новый год — праздник! А нам нечем украсить елку...

Маша задумалась. Посмотрела на детей и решила, что хоть у кого-то Новый год должен быть счастливым.

— Ладно! Забирайте мои игрушки!

— Но у нас совсем нет денег!— ответили ребятишки.

— Берите так!

— Спасибо! Спасибо! — обрадовались дети. Они выбрали самые яркие игрушки и убежали, весело рассказывая друг другу о новогодних подарках и о доброй девочке.

Наступил вечер. Маша не продала почти ничего. Возвращаясь обратно, проходя возле незнакомого дома, не-

нароком взглянула в одно из окон. Там увидела детей, которым подарила свои новогодние игрушки. Вся счастливая семья находилась вокруг елки. Таких радостных лиц Маша давно не видела. Она была счастлива от того, что кому-то принесла радость и помогла в приобретении игрушек на новогоднюю елку.

По возвращении в детский дом девочку наказали за отсутствие прибыли. Но «проказница» улыбалась, как будто сама получила дорогой подарок. «Я разделила радость с другими и ничто не заменит мне этого счастья. Ведь оно в том, что ты кому-то нужен...» — думала Маша.

Лиза ПОПОВА

Три сестры

В тихом летнем парке на старой серой скамейке скромно сидели три девочки. Юные красавицы были сестрами. Старшую звали Бони, среднюю — Холп... А младшенькая звалась Еленой.

Они беззаботно болтали ногами и смотрели в небо. Там, в голубой вышине, пробегали причудливые облака. Каждую секунду они меняли свои формы, становясь по-новому чудесными. Увлеченно следя за облаками, девочки как-то равнодушно мечтали о том, кто из них кем будет, когда вырастет.

Бони задумчиво говорит: «Я стану врачом и буду всех лечить и во всем помогать больным...»

От этих слов сестры вдруг засмеялись, да так громко, что люди, которые проходили мимо, застыли от удивления. Холп сама поняла, что с ней что-то не так. Ей стало не по себе... Но несмотря на свой стыд, назло другим, засмеялась над сестрой во второй раз. Ее громкое и надрывное «Ха-ха-ха...» эхом разнеслось по всему парку и привлекло внимание проходящих горожан. Тогда Елена, самая младшая из сестер, скомандовала громким голосом: «Стоп! Замолчали обе!»

Бони сразу послушно замолчала... Холп тоже перестала смеяться и серьезно произнесла: «Я буду работать учителем математики».

Пришла очередь делиться мечтой Елены. Она думала минут пять, а потом открыла свою сокровенную мечту. Сказала очень просто: «Кем буду, тем и буду... Судьба решит...» После этого она встала со скамейки и направилась к своему дому. По дороге она тайно произнесла какие-то слова и взмахнула руками... И вдруг на глазах у всех... превратилась в желтую бабочку и улетела...

Вот так...

Сестры от неожиданности чуть в обморок не упали...

Такая история приключилась совсем недавно с тремя сестрами-красавицами.

София НЕГОРЕЕВА

Фея со скрипкой
(Может, сказка, может, быль...)

Эта история совсем непростая. Просто исключительная. Она про девочку со скрипкой и маленького мальчика Тишку. В общем, сейчас вы все узнаете...

Рассаживайтесь поудобнее.

Девочка Маша со своей семьей совсем недавно переехала в новую квартиру. Трудный переезд совсем не помешал ей в короткий срок перезнакомиться с соседями и найти новых друзей.

Пока никто из Машиных знакомых не знал, что она серьезно занимается музыкой. Да и сама девочка не старалась кому-либо об этом рассказывать. Она была весьма скромной. Это было заметно по характеру и по внешности. Окружающих удивляла ее необыкновенная красота. А были у нее золотистые локоны волос, чистые и глубокие, как река, голубые глаза. Сама она была невысокой и хрупкой. Несмотря на ее интеллигентную образованность и такт, казалась веселой и озорной. Всем своим видом и поведением Маша напоминала юную фею «из веков минувших». Особым душевным пристрастием было ее увлечение игрой на маленькой скрипочке. Домашнему музицированию она отдавала много времени, но понимала, что исполнять музыкальные произведения дома — не лучший вариант для остальных жильцов. По той причине очень часто Маша ходила заниматься музыкой в городской парк.

Там юная фея собирала целые концерты из отдыхающих граждан. Каждый с особым удовольствием слушал нежные звуки музыки и восхищался ею. Нередко случайными зрителями становились даже близкие соседи, которым случайно пришлось забрести в старый парк. Там, за стенами панельного дома, они с трудом переносили заунывное пиликанье скрипки «по соседству», а здесь на воздухе поддавались чарам неизвестности.

Ничего не происходит просто так, так же, как и ничто не уходит в никуда... За громкое домашнее музицирование соседи иногда бурчали, скрипели зубами и даже постанывали, но тайно прикладывали уши к стенам, чтоб лучше слышать мелодичную музыку. Удивительные звуки незримо просачивалась через окна, стены, создавая атмосферу звучания небесных сфер.

Когда Маша играла, то во всем доме стояла полная тишина. Часто на этаже, где жила юная скрипачка, собиралось немного слушателей, чуть больше десяти...

Самым впечатлительным из всех ценителей скрипичного искусства был пятилетний мальчик по имени Тишка. Фанат жил в квартире напротив. Он так внимательно слушал звуки музыки, что сам погружался в нее, никого не видя и не слыша. Юный фанат парил в под-

небесье вместе с музыкой, улетая все выше и выше в бесконечность небес. Тишка был веселым и забавным, добрым парнишкой.

А еще Тимофей любил слушать добрые сказки перед сном. Почему-то именно сегодня мама рассказала ему необычную сказку:

— Сегодня я расскажу тебе сказку о фее со скрипочкой... Эта фея была очень красивой. У нее были мягкие золотистые волосы и голубые, как озера, глаза... Она многое умела делать, но, к сожалению, совсем не умела летать, так как очень давно, когда она была совершенно малюсенькой, как ангелочек (известно, что все ангелы умеют летать), она летела высоко-высоко и нечаянно засмотрелась на причудливо-красивое облачко... В это время что-то случилось и феечка мигом стала пикировать к земле. Упав на землю с такой высоты, она сильно ушиблась и повредила свое ангельское крылышко. Из-за этого она больше не смогла летать. Так и осталась на земле, превратившись из небесного в земного ангела.

Грустно стало феечке на земле, так как земные жители ее почти не замечали, как будто совсем не видели. Но она не обижалась на свою невидимость, ибо по природе своей была ангельски доброй, и к тому же великолепно играла на скрипке. Для того чтоб ее заметили и вспомнили, она утруждала себя длительными музыкальными упражнениями... Играла на своем маленьком музыкальном инструменте. На чарующие звуки скрипки слетались другие небесные феи, спустившиеся на землю, и наслаждались божественным исполнением.

Вот так маленькая феечка смогла найти себе друзей...

— Конец сказке, — сказала мама.

— Как здорово! — восхищенно ответил маленький мальчик, положив ручку под голову. Он повернулся на правый бок и беззаботно уснул.

На следующий день Тишка с мамой пошли гулять в парк. Погода была солнечной. Слегка дул свежий ветерок, покачивая деревья. Вдруг откуда-то издалека зазвучала приятная мелодия. На чарующие ее звуки стали собираться люди...

Это Маша скромно музицировала среди высокорослых деревьев и угрюмых скамеечек, выкрашенных в зеленый цвет. Тишка изо всех сил кинулся к собирающейся толпе. Когда добежал — удивился... Ведь Маша была так похожа на сказочную феечку из маминой сказки. Девочка была тоже с золотыми волосами, голубыми глазами, со скрипочкой, но почему-то без крыльев.

— Мама! Мама! — прокричал Тишка. — Это она!

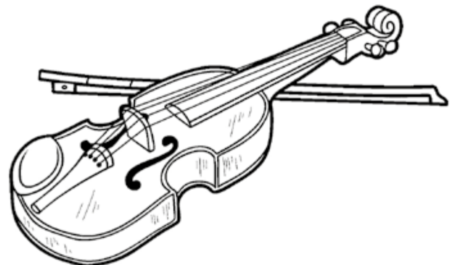
— Кто она? — спросила мама.

— Как кто? Феечка! Смотри, как похожа! Это точно она! У нее тоже золотые локоны волос, голубые глаза, она чудесно играет на скрипке и на ее мелодию приходят люди! Это точно она!

Мама улыбнулась и тихо погладила Тишку по головке. Окончив играть, Маша сложила скрипку в футляр и собралась уходить, но Тишка подбежал к ней и восхищенно попросил:

— Феечка! Сыграй еще!

Маша стеснительно улыбнулась и начала играть для маленького Тишки. Вот так Маша раскрыла свой талант, а Тишка встретил свою Феечку со скрипкой.

Спрэчка катоў

Байка

На падлозе, ля тахты
Тры замяўкалі каты.

Кот старэйшы кажа строга:
— Талентаў у мяне не многа,
Бо ад ночы да зары
Пяю песні ў двары.

Кот сярэдні раззлаваўся:
— Штосьці вельмі ты зазнаўся,
Ганарышся ты сабой!
Слухай вось пра талент мой:
Я ад ночы да зары
Не спяваю ў двары,
Кнігі розныя чытаю,
І часопісы гляджу,
Кожны дзень я на канапе
Ля акенца не сяджу.

Кот старэйшы абурыўся,
З месца хутка ўсхапіўся,
Хвост угору ён узняў
І пакрыўджана сказаў:
— Твае кнігі не патрэбны
У гэтым свеце нікаму!
Я ад гэтага чытання
Жыць спакойна не магу!

Шум і гвалт такі ўзняўся!
Ды малодшы кот азваўся:
— Вам спрачацца не патрэбна,
Не патрэбна вам крычаць,
Можна ўсякую праблему
Добрым словам вырашаць!

Злосна два каты сказалі:
— Табе слова не давалі!
І яшчэ хвіліны з тры
Сварку між сабой вялі.

Сабака грозны тут аднак
З'явіўся раптам, ды ніяк
Каты яго і не чакалі,
І да сябе не запрашалі.

Сабака гучна забрахаў
І не на жарт усіх спужаў.
Куды ж іх таленты прапалі?
Каты імкліва ўцякалі...

Малодшы кот не разгубіўся,
З сабакам мясам падзяліўся.
Паклікаў ен братоў сваіх,
Без гонару глядзеў на іх.

Выснова будзе тут такая:
Вялікая праблема, ці малая,
Сябры, чым спрэчку вам завесці,
Лепш за сталом у згодзе сесці.

А талент сябра паважайце
І разам справу вырашайце.

Владимир ЯЩУК

Танец маленьких цыплят

Жила-была курочка. Не простая курочка, а трудолюбивая. То в огороде суетится — червячков собирает, гусениц, тлю, то яйца несет, чтоб хозяйка могла исправно вести торговлю, продавая их на базаре. В общем, как говорят среди людей, где родился, там и пригодился.

Нужна была курочка всему птичьему дворику. Уточки, соседки курочки, цесарки — все обращаются к ней. Абсолютно на все вопросы она уважительно отвечает, давая добрые хозяйственные советы. Гуси, индюшки приходят посудачить о житье-бытье. Всех она уважит, всех выслушает. Хорошая она. Вежливая и рассудительная курочка. Не стрекочет почем зря... как будто слова экономит. Никому ни в чем не отказывает.

Да и петуху тоже. Ему ведь необходимо особое уважение, все-таки глава большого семейства. Хозяин.

Однажды, в один из самых обычных дней, курочка намаялась, устала и в очередной раз решила отдохнуть, а может, и яичко снести? Кто знает, что там у куриц в голове? Как получится... На то она и птица, чтоб не строить особых планов, а поступать так, как хочется куриной особе, или как получится.

Ну вот, забралась она на насест...

Нет, даже не забралась, а легко вспорхнула, находясь в отличнейшем расположении духа. Наверное, по той причине, что при последней встрече уважаемый петух сказал несколько ласковых слов и при прощании даже прокукарекал три раза, что на петушином языке означало «До скорого, скорого, скорого свидания!» Ну где же тут от такого внимания романтично не вспорхнуть! Взлетев и приземлившись на насест с веселым «ко-ко-ко», курочка стала старательно выкладывать гнездышко. Рядом лежала небольшая охапка свежего душистого сена. Строительница домашнего очага по травиночке перенесла большую часть сена в новое гнездышко.

Много ли, мало ли прошло времени? Не знаю... Трудно точно сказать, сколько минут понадобилось курице, чтоб основательно соорудить уютное и просторное гнездышко. Но любая работа, как бы она не была тяжела, приходит к своему завершению. Так и здесь. Когда в новое гнездышко была положена последняя сухая травинка, курочка придирчивым взглядом оценила свою работу и с чувством исполненного долга забралась в новую квартирку... Всей куриной грудью вдохнула аромат нового жилища и с приятной усталостью забылась сладким сном.

И вдруг, как будто нечаянно, снесла яичко.

Так как это произошло во сне, то курочка не почувствовала, что яичко выкатилось из-под крыла и упало на землю в курятнике. Разбилось? Как сказать... Неожиданно у яичка выросли

две тоненькие ножки, которые барахтались, пытаясь выбраться на волю. Через несколько мгновений рядом с первым упало другое яичко. В нем тоже кто-то барахтался. Скорлупки беспорядочно полетели на земляной пол курятника, освобождая маленьких «пленников». Правда, у каждого из цыплят на желтеньких головках осталось по белой шапочке, через которые проглядывали еле заметные красненькие гребешки. Судя по головным уборам, это были петушки. Задорные петушки быстро освоились и стали разминать свои тонкие лапки, весело танцуя. Вскоре к ним добавились еще два надтреснутых яйца. Они тоже случайно выпали из гнезда, пока их мама видела сладкие сны. Эти двое тоже быстро перезнакомились. Их скорлупки тоже мгновенно слетели, и птенцы остались в белых юбочках. Это были будущие курочки. Увидев пушистых желтых курочек, да еще в таких смешных снежно-белых юбчонках, петушки вежливо пригласили девочек на танец.

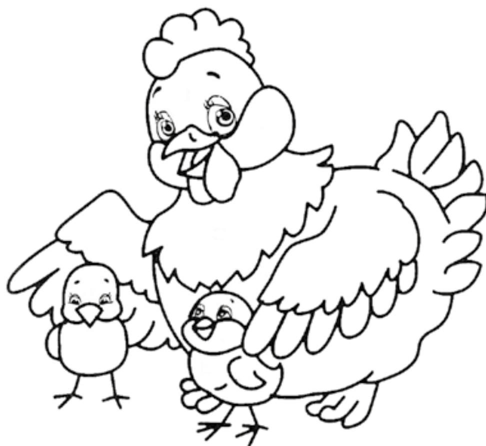
Девочки-курочки любезно приняли приглашения кавалеров. Соблюдая правила приличия, все четверо взялись за лапки-ручки и стали танцевать. Ах, какой это был танец! Танец маленьких цыплят! Откуда-то тихо звучала удивительная музыка, совсем не похожая на известный танец маленьких утят. У этой музыки был свой характер! Утята ведь неповоротливые и шлепают ножками, а цыплята быстро-быстро бегают и прыгают.

Один цыпленок, правда, не попадал в такт. Он был немного растерян, так как был самым маленьким и не понимал, что танцевать — это очень ответственно. Он испортил весь танец. Трое других танцоров убежали от него. Им стало неловко за маленького неудачника.

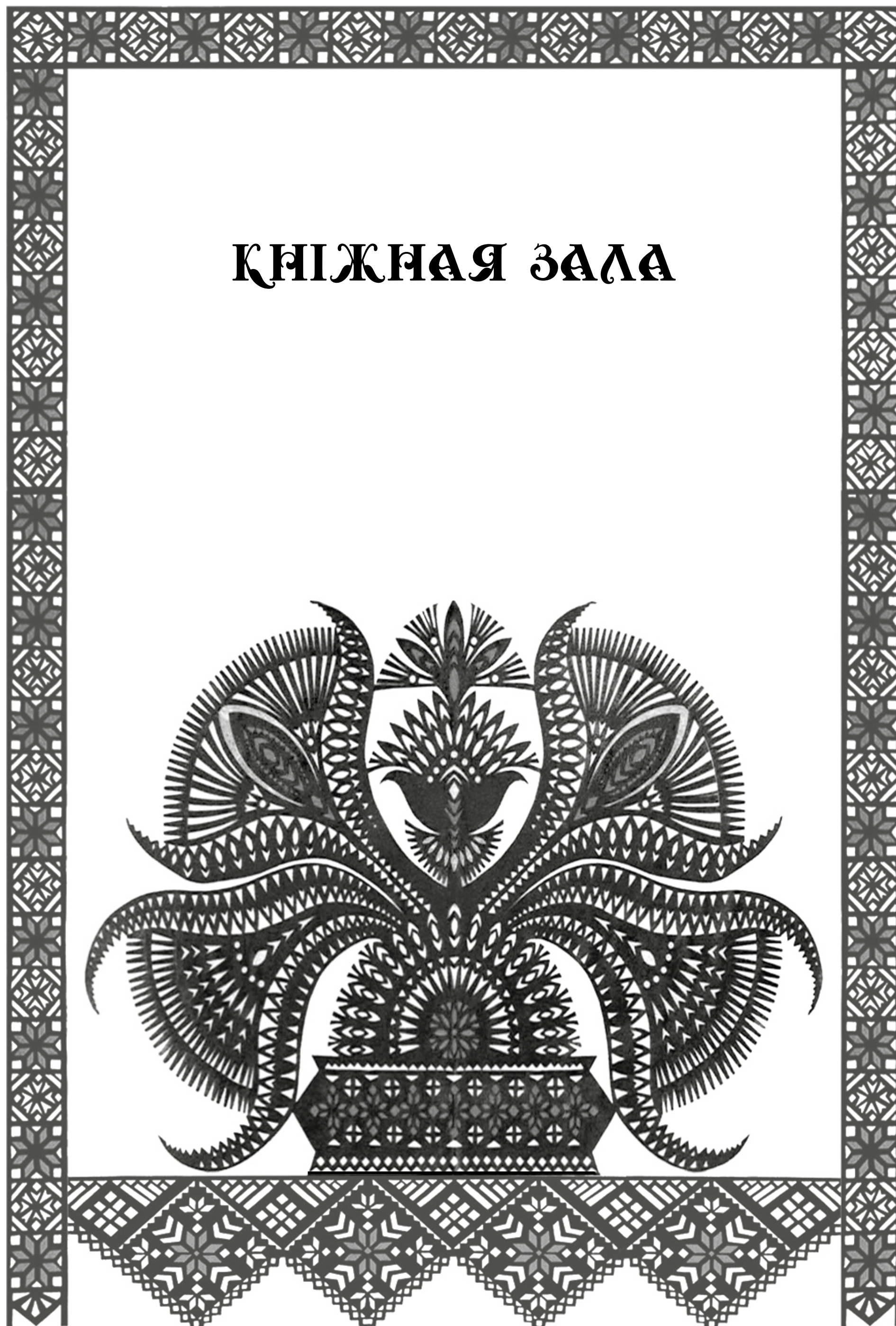
Но тут проснулась курица-мама... Стала кудахтать, оглашая окрестности своим громким «Кудах-тах...», что в переводе с куриного обозначало «Как так? Куда все подевались?» Она отчаянно кричала и била крыльями, чувствуя свою вину.

Да, так оно и есть... Курица-мама нечаянно проспала рождение своих детей. Ведь она очень устала, а так как по натуре была трудолюбивой курочкой, то даже во сне снесла не одно, а целую дюжину яиц.

Родившиеся цыплята услышали настойчивый зов матери и кинулись к ней. Счастливая мамаша приветливо расставила свои крылья и приняла всех в свои объятья. Конечно же особое место было отведено самому младшенькому. Все были счастливы. Никто ни на кого не обижался. Обитатели птичьего двора, прибежавшие на отчаянные крики мамы-курицы, наблюдали сцену встречи и своими крылышками тихо вытирали слезы. Таковы правила у птиц и людей... плакать от счастья. Так вот...

КНІЖНАЯ ЗАЛА

Названы победители детского фотоконкурса «Парад сказочных героев»

Время новогодних праздников — это время красивой, доброй сказки, которая приходит в каждый дом в конце года с наступлением зимних холодов. Украшаются улицы, взрослые и дети наряжаются в разные костюмы, одевают смешные или фантастические маски. С помощью костюма и маски мы можем с легкостью стать персонажем любой сказки.

Девчонки и мальчишки, а также их родители, которые участвовали в фотоконкурсе «Парад сказочных героев» на сайте ГУК «Брестская районная библиотечная сеть» *(https://brest-railib.by/vyberi-luchshee-novogodnee-foto)*, не только перевоплотились в любимых персонажей мультфильмов и сказочных историй, но и показали свои любимые книжки.

По условиям конкурса призы за первое и второе место получили ребята, набравшие наибольшее количество голо-

Вика Вошкина (Пеппи Длинныйчулок)

Соня Буян (Айболит)

сов в результате голосования на сайте. Борьба развернулась нешуточная. Более 12 тысяч голосов были отданы за наших участников посетителями сайта. Вторая группа победителей определилась решением жюри. В этом случае оценивались оригинальность костюма, сюжета, а также способность и желание к многочисленным перевоплощениям.

У всех ребят на фотографиях получились неповторимые образы. Конкурс получился и семейным, так как

Ира Барсукова, «Кот и мышь» (народная сказка)

Иван Гриневич (Лев Бонифаций)

участвовали все маленькие члены семей. Это Соня, Никита, Виолетта, Злата и Богдан Колодяжные из д. Ковердяки, Ваня и Сергей Притульчики из агр. Черни, Варя и София Шабатько из агр. Медно, Дарья и Екатерина Козак из агр. Вистычи, Рома, Агния и Арина Лащевские из Бреста, Родион и Владислав Халамаи из пос. Домачево, Влад и Вика Вошкины из д. Лыщицы, Ксения и Анастасия Лукашевич из агр. Страдечь, Егор и Арина Лозинские из д. Ковердяки, Данил и Надежда Метельниковы из агр. Страдечь. Многие ребята эмоционально передали своих героев, например Настя Трегубова из д. Ковердяки изобразила плачущую царевну Несмеяну, Кирилл и Варя Фроловы — воинствующих пиратов. Настя и Никита Нестеруки украсили свои сюжеты на фотографиях дополнительными атрибутами. Самые находчивые создали сказочных героев, не имея ярких маскарадных костюмов. Даник Гордиевский из д. Остромечево представил почтальона Печкина. В творчество включились и родители. Например, когда мама Полины Пощенко раскатывала тесто, то поняла, что сюжет для фотосценки готов, и нарядила дочку в бабушкин платок, в результате получилась сказка «Колобок», где «бабка по сусекам поскребла и спекла колобок». А мама Таисии Старун сама шила костюм для Красной Шапочки и Снегурочки. Компьютерная обработка фотографии придала волшебность белочке в исполнении Маши Капустюк из агр. Вистычи. А София Говорко с мамой создали образы белочек с помощью аквагрима. Ваня Гриневич из агр. Вистычи был и пиратом, и мышонком, и львенком, и медвежонком, и львом Бонифацием. А Вика Вошкина представила сразу 6 героев: львенка, Мальвину, Снегурочку, стрекозу, Красную Шапоч-

Арина Лащевская

Настя Нестерук (Капитан Врунгель)

ку и Пеппи Длинныйчулок. Сюжеты из сказки «Снежная королева» разыграли и сфотографировали Дарина Митина и Кира Веремейчук из Клейник, из «Красной Шапочки» — Валентина и Диана Шлапаковы, из «Доктора Айболита» — Софья Буян, Стас Плисюк и собачка Летти.

А победителей конкурса «Парад сказочных героев» накануне Рождества поздравили лично Дед Мороз и Снегурочка. Больше всего голосов на сайте набрали Ирина Барсукова (д. Лыщицы) и Арина Лащевская (г. Брест). В лидеры по решению жюри вышли Настя Нестерук (пос. Домачево) в номинации «Лучший костюм», Соня Буян (д. Ковердяки) в номинации «Оригинальный сюжет», Вика Вошкина (д. Н. Лыщицы) и Иван Гриневич (агр. Вистычи) в номинации «Мастер перевоплощения».

Мы хотим поблагодарить всех ребят за участие в конкурсе, пожелать успешной учебы и интересного досуга с любимыми книгами.

Лилия ГОРБАЧ

Пра нас пішуць

Родная газета на роднай мове
ЗВЯЗДА
БЕЛАРУСКАЯ ГАЗЕТА

Убачыў свет чацвёрты па ліку ў 2020 годзе выпуск альманаха «Астрамечаўскі рукапіс»

Краса нумара — раздзел «Чароўныя спевы і паданні спадчыны». «Каляды» — публікацыя, якая звяртае ўвагу да цыкла свят і абрадаў зімовага сонцазвароту. «Адраджэнне» сонца — пачатак новага сонечнага, а разам з ім і аграрнага года (яно абяцала прыход цяпла і святла, прабуджэнне пладаноснай сілы зямлі). Звычай святкавання Новага года таму і з'яўляецца для сялян адным з самых значных каляндарных свят. У гэты перыяд з асаблівай сілай разгортваюцца магічныя абрады ўрадлівасці, якія суправаджаюцца песнямі, танцамі, забавамі», — як з гэтым не пагадзіцца?!

Чытачы «Астрамечаўскага рукапісу» атрымліваюць магчымасць зазірнуць у берасцейскую вёску Гута, з якой карэспандэнтамі па каляднай тэме выступаюць жыхары нараджэннем 1930–1944 гадоў. Дарэчы, тэксты раздзелу «Каляды» варта прачытаць і ў школе арганізатарам выхаваўчай работы. Бо ў іх — і пра мясцовыя народныя гульні («Каляды», «Шчадруха»), пра сявольствы моладзі і калядныя абходы. Як не ведаць моладзі, падлеткам вось гэта: «Мы прызнавалі Каляду. А на 13-е прызнавалі Шчодрык. У нас Калядой не звалы. То хадылы большэнство. Ходылы і ўзрослые...» І яшчэ: «І ўжэ под окно подойдыть і спеваюць Шчодрыця. І ўжэ выносяць бліна. Тады кроме бліна ныц не давалы. На Шчодрыка, гэта було 13-е, бліны давалы, ны було ныц, ні канфет, нічога. Хто даст кусочак калбаскі ілі кусочак сала, або бліна памазаны, чы маслом, чы салом — гэто ўжэ як кто...»

Чарговы выпуск краязнаўчага альманаха багаты на публікацыі героіка-патрыятычнага характару (на ваенныя тэмы — і адпаведны раздзел «Беларусь памятае»). Па традыцыі «Астрамечаўскі рукапіс» уважлівы да праваслаўнай праблематыкі. Відавочна, што рэдактар і ўкладальнік выдання, член Саюза пісьменнікаў Беларусі Аляксандр Валковіч разважліва, грунтоўна пазіцыянуе абсягі праваслаўнага краязнаўства, імкнецца знайсці і ў гэтым кірунку многія важкія драбніцы памяці.

Ізноў даводзіцца выказваць шкадаванне, што работа гісторыка-краязнаўчага характару на рэгіянальным узроўні не дужа заўважана. Пра гэта сведчыць і наклад выдання, якім апякуецца Брэсцкі раённы выканаўчы камітэт. Да яго істотнай падтрымкі далучыць бы нашмат больш шырокую ўвагу... «Астрамечаўскі рукапіс» гэтага, несумненна, варты.

Сяргей ШЫЧКО

СКАРБНІЦА НАРОДНЫХ ТАЛЕНТАЎ

Музыка нас связала...

До начала занятий оставалось еще пару часов, и у нас с директором Мотыкальской детской школы искусств Наталией Евгеньевной Панько была возможность спокойно поговорить обо всем. Мы беседовали о детях, которым так нелегко сегодня учиться, постигая программу общеобразовательной и школы искусств, об учителях, преданных своей профессии, о том, как найти свое место в жизни.

В Мотыкальскую ДШИ Наталия Евгеньевна пришла в 1994 году учителем по классу скрипки. А выйдя из декрета в 1997 году, была назначена на должность директора, сменив на этом посту Михаила Климанова — он возглавлял школу с самого ее основания, с 1989 года. Михаил Иванович продолжил заниматься преподавательской деятельностью и проработал в школе до 2014 года, а сегодня уже находится на заслуженном отдыхе. Конечно, за эти годы сильно обновился состав школы, заметно помолодел. Сегодня большую часть педагогов составляют выпускники школы. После окончания БрГУ им. А.С. Пушкина вернулась в родные пенаты Кристина Макаревич. Уже третий год она руководит художественным отделением, заменив своего педагога. Окончила колледж искусств в Пинске и пришла работать в школу еще одна ее выпускница — Татьяна Шарко, она преподает хореографию. Окончив Гродненский музыкальный колледж, стала преподавателем музыки Анжелика Пысь. Успешно трудятся и другие выпускники школы.

Сама Наталия Евгеньевна окончила Брестское музыкальное училище. «Мы приехали в Брест поступать из Ковеля целой компанией, — вспоминает она, — и все прошли по конкурсу». Позже была учеба в Академии музыки в Минске и распределение в Остромечево. Она и сегодня выступает в составе народного ансамбля музыки и песни «Астрамечаўскія Лявоны». А еще преподает класс скрипки в Мотыкальской ДШИ. Нелегко дается детям обучение на одном из самых сложных инструментов. Но кто-то же все равно выбрал для себя именно скрипку. «Результат будет слышен не скоро. Возможно, только через семь лет, — говорит Наталия Евгеньевна. — Но не каждый ребенок может терпеливо заниматься и ждать, когда появятся прекрасные звуки из этого волшебного инструмента. Это не фортепиано, где нажал на клавишу, и она «звучит». И нужно очень любить педагога, чтобы остаться у него в классе и не бросить скрипку. Есть, конечно, у нас перспективные дети.

Как у них сложится, зависит только от их трудолюбия, от их желания, какую они будут видеть перспективу. А перспектива одна — только трудиться всю жизнь. Мы все работаем на позитив, правильный настрой, и на этой волне еще нужно академические знания давать. Я считаю, что в нашей школе работают люди, которые безгранично любят свою профессию. Без этого ничего не получится. Тут надо много работать. Не просто провести 45 минут урок и все. К нему нужно готовиться, самому что-то читать, где-то выступать, быть в этой профессии, а не думать, сколько мне за это заплатят».

Наталия Евгеньевна смогла передать любовь к скрипке и небывалое трудолюбие своей дочери Светлане, которая выбрала ту же специальность, что и мама. Окончила так же, как и она, Академию музыки и уже работает в Минске. Сегодня в этом учебном заведении учится один из сыновей еще одного педагога школы — Веры Латушкиной, он является дипломантом республиканского конкурса. Вера Петровна по праву считается одним из самых опытных и заслуженных работников Мотыкальской ДШИ, которой посвятила 31 год своей жизни. Она работает учителем по классу фортепиано и концертмейстером. Каждый год ее ученики завоевывают призовые места в областных конкурсах, поступают учиться дальше.

Вера Петровна родилась в сибирском городе Ангарске. Окончила училище искусств в Иркутске, а позже — и Дальневосточный музыкально-педагогический институт во Владивостоке, работала там по специальности. Прожив в Сибири до тридцати лет, приняла решение переехать на постоянное место жительства в Беларусь, на родину своего отца. Влюбилась в нашу страну, и осталась здесь навсегда. Уже много лет живет и работает в Мотыкалах. «Я очень люблю свою профессию, — признается она. — А когда мои ученики радуют меня своими успехами, мне хочется жить и работать дальше. Конечно, наша работа требует определенных душевных затрат. Домой приходишь уставшая, опустошенная, но с чувством удовлетворенности. У нас очень дружный коллектив, теплая и уютная школа. Считаю, мне крупно повезло».

В паре с Наталией Евгеньевной они составляют творческий дуэт, который часто приглашают выступать в камерных концертах. Тесно сотрудничают со Скоковским музеем-усадьбой Немцевичей, участвуют в культурных мероприятиях.

Несмотря на пандемию и ограничения, связанные с ней, учащиеся школы также принимают участие в различных конкурсах, завоевывая призы. Так, ученики Светланы Бащук из младшей хореографической группы в этом году удостоились диплома I степени за танец «Поварята» во всероссийском онлайн-конкурсе «Новая Звезда – 2020». Связать свою жизнь с танцами Светлана решила с того самого момента, когда мама привела ее, маленькую девочку, в известный на всю страну детский образцовый коллектив эстрадного танца «Непоседы». Окончив Пинский государственный колледж искусств, она приехала по распределению в остромечевский коллектив «Местачковыя казары». Там встретила своего будущего мужа, а сегодня воспитывает двух дочерей. Вот уже пять лет преподает она в Мотыкальской детской школе искусств. «Дети с большим желанием идут на хореографию, даже самые маленькие, — говорит она, — ведь все хотят красиво двигаться».

Четвертый год работает в школе преподаватель по хору Мария Ковальчук. Ее ученики также принимают участие в различных конкурсах, завоевывая призовые места.

Сегодня в школе трудится 15 педагогов, здесь занимается 107 учеников, в том числе 9 человек — в классах в Скоках. 16 ребят учатся на художественном отделении, 35 — на музыкальном и 47 — на хореографии. Дети обучаются игре на фортепиано, скрипке, баяне, цимбалах, гитаре.

«Наши выпускники учатся и в Академии музыки в Минске, и в Брестском государственном музыкальном колледже им. Г. Ширмы, и университете культуры, в других вузах, — с гордостью говорит директор школы Наталия Панько. — Идут туда самые трудолюбивые, выносливые, терпеливые ребята. Надо понимать, что музыка — это не всегда праздник, прежде всего — это ежедневный труд. Способность обучаться, родительская заинтересованность, стремление к развитию своего ребенка — и когда все это сходится, дети действительно чего-то добиваются. И это доказывает жизнь».

Сегодня выпускники школы работают в клубных учреждениях Прибужья. В их числе Ирина Якубовская — заведующая сельским домом культуры в д. Скоки, Татьяна Гонтаренко — заведующая сельским домом культуры в д. Большие Мотыкалы, Елена Савоник — заведующая сельским домом культуры в д. Лыщицы.

Один из бывших учеников школы — Александр Рославец — являлся солистом Большого театра России после окончания Санкт-Петербургской консерватории. С 2016 года он солист Гамбургского оперного театра. Александра Рославца можно увидеть и в Минске: он является приглашенным солистом Национального театра оперы и балета Беларуси. В сентябре 2018 года он дебютировал в миланском театре «Ла Скала». А в начале 2019 года выступил на сцене нью-йоркской Метрополитен-оперы, одного из самых известных и престижных театров мира.

«Так что дерзайте, и все получится! Мне кажется, что без музыкального воспитания невозможно полноценное воспитание ребенка. Дети, которые занимаются музыкой, более сообразительны, им легче дается в школе математика, другие сложные предметы. Они уверены в себе, открыты, умеют лучше концентрироваться, более восприимчивы к миру, его сложности и разнообразию», — уверена Наталия Евгеньевна.

Марина САМОСЕВИЧ
Фото автора и Михаила ГУБАРЕВА
http://www.nadbugom.by/

СТАРОНКІ ГІСТОРЫІ

Календарный лист Гершон. История деревни с 1343 года

В июне 2007 года Гершоны в одночасье стали городом, а жители — брестчанами. С этого времени начался совсем иной этап жизни, но при этом сохранивший багаж своего прошлого...

Гершоны имеют богатую историю. Ее столетними приобретениями поделилась со мной коренная жительница, заместитель директора по воспитательной работе школы № 21 Татьяна Никонюк. Многие годы педагогический коллектив гершонской школы вместе с учащимися собирает факты и исследует былую жизнь своей малой родины. Благодаря их стараниям мы сможем узнать о некоторых интересных событиях былой жизни их родного кусочка земли.

Из рук в руки

История Гершон, по письменным источникам, начинается с XVI столетия как деревня в Берестейском старостве Трокского воеводства ВКЛ. Но есть еще более раннее упоминание, датированное 1343 годом. Это год возведения храма в Гершонах, что дает право отнести деревню к XIII столетию. В 1566 году на этой территории проживал всего 41 человек. Деревня не раз переходила из рук в руки. Так, например, с 1682 года Гершоны вместе с Прилуками принадлежали пану Хайновскому и пану Даниловичу, позже пану Кулеше, а с 1754 года тремя волоками земли в Гершонах владел пан Прейс, затем Игнатий Леоновский. До 1759 года они принадлежали капитану пешей гвардии ВКЛ Мариану Тимону, который в этом же году передал девять волок земли помещику Яну и Ганне Лингам. В 1868 году деревня упо-

минается как собственность помещицы Панихвицкой. К этому времени здесь жили 123 человека, а к 1905 году население увеличилось до 253 жителей.

В годы польского владычества в деревне хозяйничал Конюшевский. К слову, он был одним из немногих, кто хорошо относился к гершонцам: «Пан владел землей, имел свой сад, где работали местные жители. Из сада он получал какие-то винные изделия. Конюшевский слыл добрым человеком. Он всегда помогал малоимущим людям», — рассказывает Татьяна Александровна.

Конюшевский был и отличным хозяином. У него везде был порядок. Старался порадовать крестьян: например, после сбора урожая устраивал дожинки, созывал всех на праздник. Не оставили крестьяне пана, когда пришли к власти советы. Они спасли его от расстрела и помогли уехать в Польшу.

С изменением состава территории государства изменялась и принадлежность Гершон. После третьего раздела Речи Посполитой (1795 год) деревня входит в состав Слонимской губернии Российской империи. А уже с 1797 года она относится к Литовской, с 1801-го — к Гродненской губерниям. С 1905 года в составе Каменице-Жировецкой волости, затем в составе Польши...

Что в имени твоем?

Примечательно и то, что деревня меняла свое название. Слыла она Гершановичами и Гершунями, а позже стала Гершонами. Есть несколько версий происхождения ее названия. В документах 1564 года она упоминается, как «Киршоновицкий дворец». Вероятно, это от того, что владел этой землей человек с такой фамилией.

Вторая версия говорит, что название происходит от имени немецкого барона Шона. И вот почему. Перед именем барона ставилось слово «гер», что значит «господин», «хозяин». При слиянии «гер» и фамилии барона «Шон», образовалось «гершон».

Третья же версия гласит, что название деревни пошло от имени богатого лавочника Гершона. Он жил здесь, имел лавку, в которой продавались спиртные напитки.

Не в числе последних

Гершоны хотя и были небольшими, но никогда не считались в числе последних. Во все времена в деревне имелась церковь. Сюда на службу приходили жители ближайших деревень: Аркадии, Митьков, Котельни-Боярской... Любопытный факт, но история церкви чем-то схожая с историей самих Гершон.

Письменные источники указывают на то, что на этой территории некогда находился упомянутый ранее храм, возведенный в 1343 году. Внутри его был древний православный иконостас. Деревни Гершоновичи и семь ближайших деревень составляли его приход. В 1549 году упоминается церковь с именем Рождества Богородицы. Затем встречается запись о том, что церковь Покрова Богородицы в 1662 (1672) году с позволения короля Яна Казимира по привилею 1658 года и духовного владыки Владимировского Яна Михаила Патея построил берестейский каштелян Ян Жаба со своей женой Анной Залеских. Новая же церковь Рождества Пресвятой Богородицы в деревне построена в 1866–1869 годах на средства виленского генерал-губернатора Михаила Муравьева.

На территории деревни в середине XIX века был создан лесопильный завод, на котором работало 49 рабочих. Известны Гершоны и кирпичным заводом. С 1889 года здесь действовала школа грамоты, народное училище, в котором учились 71 мальчик и пять

девочек. Имелась корчма и хлебозапасный магазин.

Интересный факт рассказала мне Валентина Яворская, бывшая жительница Гершон. В начале XX столетия ее бабушка Мария Самолюк открыла в своем доме, по улице Озерной, продуктовый магазин. В нем продавали керосин, мыло, спички, соль и разные продукты. Молодая незамужняя девушка ловко справлялась с премудростями торговли. Товар возила из города, для этого нанимала подводу с извозчиком, которым была гершонская жительница Дуся. Закупалась у евреев: в то время их в Бресте было много.

От набытков

Гершонцы во все времена слыли трудолюбивыми, отзывчивыми, добрыми людьми. Несмотря на бедность, делились последним, помогали друг другу в трудную минуту. Понять это можно и из того, что все, что имелось, было сделано своими руками. Поскольку денег не хватало, да и заработать их особо негде было, то сложную работу делали сообща. Например, на строительство дома собиралась почти вся родня, соседи, знакомые. Правда, возможность построить большой дом была не у многих. В основном, дома имели одну комнату, где размещалась печь, стол, лавка да лаги, на которых спали. Пол был земляным. К дому пристраивали сени, где обычно находился кухарь, стояли бочки, дежки, многие необходимые вещи для хозяйства.

«Всю одежду и обувь шили своими руками. В каждой семье стоял ткацкий станок, имелась прялка. Несмотря на бедность, все старались украсить свой дом: застилали льняными покрывалами кровати, снизу вешали гарунки (кружева — ***прим. автора***), выставляли подушки, накрывали накидками. На окошки вешали фиранки. В домах было чисто», — поделилась рассказом своей бабушки Татьяна Никонюк.

Многие гершоновцы, чтобы заработать хоть немного денег, носили и продавали в Южный военным излишки огородины, садовины, молочные продукты. Многие отвозили такой же товар в город, где его разносили по домам.

Особенно сложно пришлось деревне в послевоенное время. По словам Валентины Яворской, семья ее бабушки спасалась тем, что дед охотился на зайцев, да еще выращивали картошку. Основными блюдами большинства были квашеная,

соленая капуста, огурцы, моченые яблоки. Еще пекли все, что можно: пироги, хлеб, блины... Счастьем было заиметь корову или другую живность.

В основе — традиции

Гершоны славились своими талантами. Оказывается, в деревне многие умели играть на гармошке или баяне. К слову, отец Татьяны Александровны отыграл на 150 свадьбах. Гармониста обязательно перевязывали ручником, давали большой кусок каравая. Сами свадьбы проходили с песнями и танцами, большим количеством гостей. Для тех, кто не смог прийти, готовилось «бабское» угощение. На молодых приходили посмотреть от мала и до велика.

Свадебное гостевание длилось около недели. Считалось нормой, если в дом торжества заходили на угощения до и после работы.

Поделилась Татьяна Александровна и гершонскими традициями. Например, когда выносили каравай, то его должна была «прополоть» невеста. На каравай насаживались цветы, которые молодая вырывала и бросала гостям. Знатное угощение пекла каравайница. Доброй приметой считалось, что если каравай вынимали из печи ровным, не расколотым, то это сулило молодым долгую и счастливую жизнь. Если же он не удавался, то ожидалось неблагополучие. Дети и молодежь любили заниматься украшением каравая. В него ставили три рогульки, вырезанные из вишни или сливы, которые обкручивали тестом и запекали в печи. Затем украшали цветами, которые делали из бумаги.

Интересно стало узнать, что молодой жене после свадьбы нельзя было приходить в родительский дом ровно неделю. Спустя семь дней она с мужем, иногда с его родителями, наведывалась в свой дом. Желанных гостей усаживали за стол, угощали лучшими блюдами, обсуждали дальнейшую жизнь молодых, давали советы, вспоминали себя...

Многие давние традиции Гершон время заменило на современные. Смешались взгляды и понятия, связанные не только с городской жизнью. Но, несмотря на это, в Гершонах продолжает жить заложенное их предками. Да и сама бывшая деревня мало чем напоминает город. Здесь еще не встретишь многоэтажных домов, нет огромных супермаркетов и всего привычного для города. Это особый уголок с приусадебными садами, одно- и двухэтажными усадьбами, с тихими улицами, переулками. Они, словно змейки, обхватывают водоемы, оставленные в наследство былым кирпичным заводом и давно полюбившиеся не только местным жителям, но и брестчанам.

Наталья ШЛЯЖКО

Автор выражает благодарность педагогическому коллективу СШ № 21, Татьяне Никонюк, Валентине Яворской за предоставленную информацию.

Фото автора и из семейного архива Валентины Яворской

Митьки: история вчерашней деревни под Брестом

Небольшая, долгое время в одну улицу, деревня расположилась в девяти километрах от Бреста и в шести — от железнодорожной станции Брест-Южный, по соседству с Бернадами, Котельней-Боярской и Гершонами.

Во все времена в ней жили дружные, работящие и любящие свою малую родину люди. Несмотря на то, что уже прошло более десяти лет, как они стали горожанами, митьковцы и по сей день берегут память о прошлой жизни. В этом я убедилась лично, беседуя с ее коренными жителями — Алексеем Фомуком, Марией Щербаковой, Татьяной Муравской, Ниной Цап и ее дочерью Еленой. Наша беседа продлилась более двух часов. Были и ностальгия, и радость, что история деревни кому-то интересна и нужна.

Истоки

Впервые Митьки упоминаются в XVIII столетии как центр имения в Брестском повете Брестского воеводства ВКЛ. Состояло имение из фольварка и одноименной деревни. Возможно, свое название получило от имени или фамилии хозяина — Митя, Митьки. Есть версия, что связано оно с таможней (мытней). К слову, местные между собой говорят не Митьки, а «мы з Мытёк». После третьего раздела Речи Посполитой в 1795 году имение находилось в составе Российской империи и относилось к Слонимской, с 1797 года — Литовской, а с 1801 года — Гродненской губерниям.

По ревизии 1858 года, в имении насчитывалось 72 крестьянина. Приблизительно в это время оно было собственностью помещика Куровского. Также деревня была центром сельской общины в Каменице-Жировецкой волости Брестского уезда Гродненской губернии. Согласно переписи 1897 года, в ней насчитывалось пятнадцать дворов и 96 человек, а в 1905 году — 116 жителей. Во время Первой мировой войны почти всей деревне пришлось бежать, что не могло не отразится на ее жизни. И хотя митьковцы возвращались на малую родину, на 30 сентября 1921 года число их составило всего 96 человек, а вот домов на три стало больше.

Пани Левинская. Следы войны

С 1919 (29) по 1939 год рядом с деревней находился фольварк пани Левинской. По имеющимся данным, состоял он из одного двора и 16 жителей — хозяев и работников. От фольварка сохранились лишь колодец и малая часть парка. Рос здесь и сад с разными садовыми деревьями, вкус их плодов помнят многие — например, больших слив с горчинкой и маленьких, но очень сладких.

По словам моих собеседников, в фольварке постоянно жила старая пани, а дети — пани Левинская и ее муж — больше в городе, поскольку тот работал адвокатом в Бресте. Хозяева фольварка не запомнились плохими людьми. Многим крестьянам приходилось работать на них, чтобы рассчитаться за услуги адвоката, поскольку только единицы могли иметь деньги. Чтобы их заработать, продавали в городе молоко, яйца и другие продукты.

В 1940 году количество домов увеличилось до 37, а жителей насчитывалось 198 человек. Казалось бы, со сменой власти жить да жить, однако свои коррективы внесла Великая Отечественная война. «В нашем доме окно было в сторону границы. Отец ночью встал, глянул в него и сказал, чтобы мы присели и оделись, — началась война. Он был в армии и сразу понял, в чем дело. Оделись и пошли под мост «Царский» — его так называли потому, что сделали его, когда строился форт литеры «З». Был он, где канава течет, сейчас здесь недалеко находится магазин (улица Учительская).

«Когда мы подошли к нему, то увидели, что там уже сидели люди — тоже многие поняли, что произошло, — рассказывает Алексей Фомук. — До войны дома были деревянные, а крыши соломенные. А за Бугом стояла вышка, наблюдательный пункт, оттуда немцы начали стрелять зажигательными пулями еще до того, как ночью напали фашисты. Так немец поджег Котельню в субботу, половина села сгорела. Из «Мытёк» и Бернад люди бежали тушить ее».

Гитлеровцы убили шесть жителей, семь сельчан не вернулись с фронта, сожгли большую часть деревни.

Жители деревни Митьки

Юбки-татьянки и обувь в руках

Время после войны оказалось сложным для всех. Жить приходилось в землянках, был дефицит продуктов, одежды и многого другого. Чтобы выстоять в этих тяготах, людям приходилось много, порой изнурительно трудиться на земле. Хотя крестьянская жизнь всегда была трудной. В наше время, особенно молодому поколению, сложно понять, как когда-то жили предки. По воспоминаниям моих собеседников, у каждого митьковца был свой надел земли. Уже с самого детства начинали работать. С пяти лет мальчики пасли гусей, коз, подпасывали коров. Подрастая, поводили коня, затем становились за соху и работали на поле, косили траву, сгребали сено, пилили и кололи дрова.

Нелегко приходилось и девочкам. С самого раннего возраста они ходили с родителями в поле, учились обрабатывать лен, прясть, ткать, выбеливать полотно и шить из него одежду. «Это моей бабушки сорочка с орнаментом, — показывает мне Елена Цап. — Ручная работа, посмотрите, какой шов аккуратненький. Бабушка надевала ее несколько раз в жизни, по особым случаям. Это была парадно-выходная одежда, которую надевали в церковь, венчаться или на большие праздники. Еще носили юбку в складку, ее у нас называли «татьянка». Вместо пояса у нее был шнурок. Наверх всегда завязывали фартук, поверх сорочки еще носили кафтан на застежке. А вот это утюг, называли его «качалка», потому что процесс глажки напоминал катание. На круглую часть наматывали влажную одежду, а второй палкой с резцами водили по ней на столе, таким образом ее разглаживая».

«Если в семье было много детей, вы представьте, сколько женщине нужно было наткать полотна, чтобы обшить всю семью! — дополняет Нина Цап. — Тяжело приходилось женщинам в то время».

Алексей Фомук вспомнил, как ему рассказывали старшие о времени, когда еще носили лапти: «Пасет мужчина коров, надерет лыко и до вечера сделает лапти. Портянкой обкрутит ноги, обует лапти, завяжет шнурком и ходит. Может и по воде ходить, ногам тепло. Правда, в лаптях не все ходили, в основном их носили бедные и те, кто жил подальше от города.

У нас все ходили в туфлях. Кто ближе жил, зайдет в Брест и на рынке купит себе «кандэнтную» обувь — так она называлась при Польше. Была она не прочная: год походишь в ней, а затем выбрасывать. Продавали обувь, которую можно носить и пять лет, а если редко обуваешь, то и больше. Например, в церковь шли босиком, а туфли в руках несли — берегли, значит, ее. Доходили до церкви и переобувались. В Котельне один мужчина свои сапоги на спине носил больше двадцати лет, так их берег».

Река Червянка. Дзоты. Форты

Вспомнили мои собеседники и то время, когда вокруг Митьков были живописные места. «Студенткой приезжала с подругами, мы ходили на речку Червянку, которая была в двух километрах отсюда, мне они говорили: «Ты в раю живешь», — вспоминает Елена Цап. — Вокруг деревни много малины росло, ежевики, голубики.

Много дзотов осталось, форт литеры «З», там памятник поставили: «Воинам 2-й роты 18 ОПАБ 62. УРА от военнослужащих 3 ОТБ 50 ОМБР и батальона связи 38 ОМОБР».

Коляды. Свадьбы. Традиции

В Митьках умели не только трудиться, но и весело проводить время. Например, на старый Новый год было принято вредить. Молодежь срывала калитки у односельчан, поэтому перед этим хозяева снимали и прятали их. А одному митьковцу затянули на крышу дома телегу, и хозяину пришлось думать, как ее оттуда снять. Однако такие вредности не злили, а, наоборот, веселили.

Интересно проходили и колядки в Митьках. Всегда действие происходило с шестиугольной звездой, в центре которой могла быть свеча, а также с переодеванием: например, выворачивали кожух и делали «козу». Только последние два года так не колядуют в деревне, с сожалением отметили мои собеседники.

Свадьбы играли ярко и весело. С пятницы на субботу были «Веночки». На них собирались молодые девчата, которые украшали каравай цветами, ленточками и аспарагусом — домашним цветком, а взрослые пекли главный свадебный атрибут. На каравае всегда размещались две птички, выпеченные из теста, и русишки, которые были похожи на рогатки, на них, в свою очередь, красовались цветы с зеленью. Обрезки, непригодные для использования, собирали в скатерть и выбрасывали во двор холостым парням, чтобы те быстрее женились. «Моя соседка, когда их высыпали во двор, со злостью стала выметать: не хотела, чтобы ее младший сын женился, — вспоминает Елена Цап. — Обязательно пели обрядовые песни, от которых перехватывало дух. В них было благословение, совет и напутствие молодой».

Как говорят коренные жители, караваи тогда были очень вкусными, таких теперь не пекут. Выносил его на вытянутых руках в конце свадьбы сват, а под караваем в это время крутился-танцевал мальчик. Когда каравай делили, то верхушку давали молодым, середину раздавали гостям, а подошву — музыкантам. В основном играли на гармошке, но могли быть и бубны.

На свадьбе танцевали и пели песни. Они были разные. Например, когда невесту наряжали, пели одно, когда везли на украшенной цветами и зеленью лошади молодых — другое. К сожалению, в Митьках песни не сохранились. Свадьбы были по три дня. В последний, понедельник, кто-то из гостей, хотя могли и посторонние, переодевался в жениха, невесту или цыган. На торжество обычно собиралась вся деревня, за действом смотрели из окон, стояли вокруг заборов.

Рассказали также о любопытном обычае в «сухую середу» после Пасхи: в этот день все обливались водой.

Многое из жизни Митьков стало историей, старые традиции сменились новыми. Но, несмотря на время, они продолжают жить в памяти людей, а это самое главное.

Наталья ШЛЯЖКО
Фото автора и архива семьи Цап

Хозяйственная жизнь крупной помещицы Брестчины

Жизнь в имении Каменица Бискупская помещицы Брестского уезда графини Елизаветы Красинской, урожденной Браницкой.

Это имение под названием Каменица Бискупская в середине позапрошлого столетия включало в себя 19 деревень, 718 дворов с общей численностью около 5 тысяч крестьянских «душ» обоих полов. Согласно ревизии от 1857 года, в этом имении числилась 2421 «душа» мужского пола. Рыночная цена такого хозяйства составляла около 300 тысяч рублей серебром с ежегодным доходом в 15 тысяч рублей серебром. Разумеется, имея такое большое хозяйство, графиня нанимала целый штат обслуживающего персонала, который должен был следить за благополучием и доходностью огромного комплекса.

Графиня Красинская с детьми

Герб рода Красинских

Подполковник Генерального штаба П. О. Бобровский провел детальное исследование и в 1863 году оставил солидное описание быта крестьянского населения Гродненской губернии. «Все имение разделено на 8 фольварков (по 2–3 деревни в каждом), которыми заведуют экономы, подчиненные управляющему; бухгалтер, вахмистр (контролер) и кассир составляют особые части по ведению отчетности расходования денег. Лесами заведует лесничий, которому подчинено 6 стражников и 24 лесника. Сверх того при имении имеются 4 писаря, 2 фельдшера, а для надзора и разных работ около фольварков — 8 гуменных и

Граф Сигизмунд Красинский

Графиня Елизавета Красинская

24 паробка. Все эти лица известны под именем оффициалистов, состоят на жаловании помещика, кроме лесников, и получают ординарию. Управляющий имением, кроме жалования, получает от помещика полное содержание. Вахмистру и лесничему жалования положено 300 руб., контролеру — 112 руб. 50 коп., кассиру — 90 руб., эконому — от 60 до 75 руб., писарю и фельдшеру — по 60 руб., стражнику — 26 руб. 25 коп., гуменному — 22 руб. 50 коп., паробку — 13 руб. 50 коп». Отметим, что подобные заработки указаны не за месяц, а за год. В общей сложности подобных лиц из числа обслуживающего персонала в имении было 121 человек.

Далее Бобровский продолжает: «Каждый от вахмистра до паробка сверх жалования получает в натуре хлеб, крупу, картофель, водку, пиво в определенном размере. Вахмистру и лесничему отводится пол морга земли под огороды, даются лошади, и дозволяется содержать 8 коров. Дворовой прислуги содержится от 20 до 50 человек. Каждому ежемесячно отпускается ржи 5 гарнцев (1 гарнец равен примерно 3,28 л), круп 2 гарнца и соли ½ фунта (1 фунт = 0,4 кг); сверх того белье и одежда; на последний предмет в 1856/57 году было употреблено 122 руб. 50 коп».

Общая площадь помещичьей земли имения насчитывала «более 30 тысяч десятин земли», или около 32 700 га. Около трети пахотной площади земли засевалось озимым хлебом, вторая треть яровым хлебом. Весь «собираемый в поместье хлеб расходуется, кроме семян, на содержание оффициалистов и дворни, на винокурение и на продовольствие скота, остальное количество идет в продажу. В неурожайные годы немалая доля собираемого хлеба раздается крестьянам в виде вспомоществования. ... На корм животным хлеба идет немного, большей частью овес. ... Остающееся за всеми расходами количество хлеба обращается в продажу. В хороший год продается большей частью ржи и пшеницы на 10 и более тысяч рублей».

Например, в 1857 году в имении было собрано 6930 четвертей ржи (1 четверть равнялась примерно 3,07 л),

2760 четвертей овса, 710 четвертей овса, 434 четверти пшеницы, 1068 четвертей гороха, 640 четвертей гороха и 5995 четвертей картофеля. При этом на посев уходило 1/5 продуктов, «а ординария официалистам и дворне составляет 15%, всего по обоим категориям расходуется почти 1/3 продуктов».

Как и полагается уважающему себя помещичьему хозяйству, в имении Красинских активно развивалось хлебное виноделие. В течение пяти лет (с 1853 по 1857 гг.) в хозяйстве «выкурено вина 21 913 ведер, продано в 13 шинках 22 745, на ординарию употреблено 466, всего израсходовано вина 23 211 ведер».

Как следует из материала, основными статьями дохода в имении были продажа хлеба и вина. В том же 1857 году доход только от этих двух статей составил около 26 тысяч рублей, что составило около 75% от общей прибыли с имения. Как пишет Бобровский, «эти два предмета не только покрыли все расходы, но и дали еще чистой прибыли 6450 рублей».

Далее следовал доход от скота: шерсть с овец (их в имении насчитывалось 4135 голов), молоко с коровы (163 головы) и т.д. В среднем одна дойная корова приносила помещице 12 рублей серебром в год, от продажи шерсти было выручено 4050 рублей. Помимо этих статей, незначительный прибыток приносили помещичьи мельницы, несколько пивоварен — 300 рублей в год, а также оброк с крестьян — 778 рублей 65 копеек.

Как и положено обладательнице графского титула и огромного состояния, Красинская не жила постоянно в имении. В 1843 году она вышла замуж за Сигизмунда Красинского, став владелицей нескольких поместий и благополучно жила в двух ведущих городах Польши — Варшаве и Кракове. В имении она бывала лишь наездами и, очевидно, не очень интересовалась проблемами своего владения. Так, в 1854 году в селе Ляховцы от голода умерли двое крестьян по вине управляющего имением Любовицкого, который игнорировал просьбы крестьян о выдаче хлеба в неурожайный год.

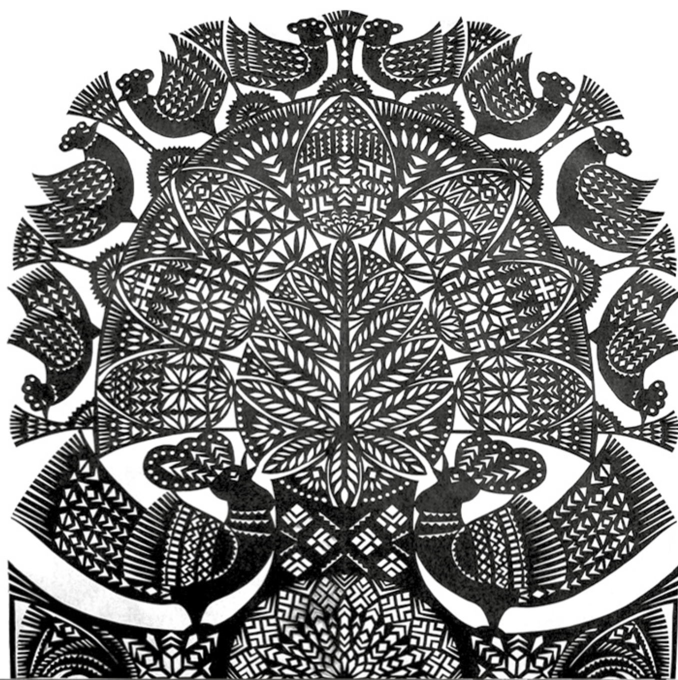
Приговоръ

Каменецъ Вискупскаго сельскаго схода, Каменецъ Жировицкой волости. 1903 года, Іюля 16 дня, Мы, нижеподписавшіеся, крестьяне Каменецъ - Вискупскаго, сельскаго Общества, Каменецъ - Жировицкой волости, Брестскаго уѣзда, Гродненской губерніи, одного отдѣльнаго поселенія, деревни Каменицы Вискупской отъ 16 полноучастковыхъ дворовъ 64 домохозяевъ, въ числѣ 44 человѣкъ, собравшись сего числа на сельскій сходъ, по созыву нашего сельскаго старосты, Захарія Степанюка, обсуждали вопросъ о пріобрѣтеніи имѣнія Европа Гейшишки, расположеннаго въ Виленской губерніи и уѣздѣ, принадлежащаго землевладѣльцу Коллежскому Ассесору Михаилу Андреевичу Искрицкому, для переселенія нашего въ это имѣніе, вслѣдствіе послѣдовавшаго 21 Декабря 1900 года, Высочайшаго Повелѣнія объ отчужденіи нашихъ земель подъ Артиллерійскій полигонъ, подъ крѣпостью Брестъ-Литовскъ,. Предполо~~женное~~ къ покупкѣ нами имѣніе Европа - Гейшишки, со всѣми входящими въ него фольварками, заключаетъ въ себѣ около 1779 десятинъ болѣе или менѣе, сколько въ натурѣ имѣніе это Г. Искрицкій согласился продать намъ, со всѣми входящими въ него фольварками, постройками, водяной каменной мельницей, старымъ винокуреннымъ заводомъ, урожаемъ сего года и живымъ инвентаремъ, за означенное имѣніе владѣлецъ заявилъ окончательную цѣну 181, 445 р. Имѣніе

Благодаря стараниям немецкого художника XIX столетия Франца Ксавье Винтерхальтера, мы можем видеть портреты самой графини и ее детей.

По материалам сборника «Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния» (С.-Петербург, 1863), статьи О. Н. Иванчиной «Социально-экономическое развитие Малоритского района в составе Российской империи (1795–1917 гг.)» / Вестник БрГУ, 2015, № 2.
Источник: virualbrest.ru
Автор: Никита Стриж

БЕЛАРУСЬ ПАМЯТАЕ

Алина Карпук

Моя семья в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для миллионов людей Советского Союза. Огромную цену заплатили они за победу над фашистской Германией.

Война оставила глубокий след в жизни и нашей семьи.

Мой прадедушка Степан Корнилович Карпук — ветеран Великой Отечественной войны. Родился он в 1925 году на Украине, в селе Гута Ратновского района Волынской области. В 1943 году через село Гута шли партизаны, и те, кому исполнилось 18 лет, уходили в партизанский отряд. Так мой прадедушка стал партизаном.

Партизанам пришлось уходить в лес, потому что с Заболотья начинали наступать немцы. Заболотье было большим железнодорожным узлом, и там было много немецких войск. А также еще полно и бандеровцев.

Жителям Гуты пришлось уходить к болотам, потому что немцы боялись туда сунуться. Ушла вместе со всеми и семья моего прадедушки.

Вражеская пуля не обошла моего прадедушку стороной. Как-то в пасмурный день двое партизан и мой прадедушка пошли в разведку. Неожиданно стали наседать бандеровцы. Они стали палить по болотам. Один из разведчиков был тяжело ранен, а прадедушке пуля попала в ногу. Уйти быстро он не смог. Так мой прадедушка оказался в плену.

Из плена прадедушке помогли бежать. Это было настоящее чудо! Красная армия успешно наступала, гнала фашистов на запад. Прадедушку забрала Красная армия, в госпитале его вылечили. И дальше он ушел с Красной армией и до самой победы служил пулеметчиком. Был награжден медалью «За отвагу».

Будущая жена моего прадедушки, Ольга Авраамовна Луцик, тоже многое пережила и перестрадала в годы войны.

Родилась она в 1931 году в селе Гута, там же, где и прадедушка. Во время войны со своей семьей (было их 5 человек) была вывезена в Германию. Было тогда моей прабабушке всего 11 лет. Работала она на ферме. Это было очень трудно, работа была тяжелая и выполнять ее приходилось наравне со взрослыми. Работали с раннего утра до позднего вечера. Кормили очень плохо, поэтому постоянно хотелось есть.

Весной, когда Красная армия с тяжелыми боями приближалась к Берлину, хозяева стали отсиживаться в бомбоубежище. Прабабушка приносила им

еду. И вот в один из налетов при взрыве упавшей бомбы она была ранена осколками в ногу. Один осколок, самый большой, застрял у прабабушки в спине, но, превозмогая боль и истекая кровью, она все-таки добралась до подвала. Прабабушке оказал помощь немец-врач, ему удалось извлечь осколок.

Жили все в это время только мыслями о скорой победе, считали дни и часы до нее.

Местность, где находилась вся семья прабабушки, освобождали американские войска, и вся прабабушкина семья оказалась в лагере, где были русские, украинцы и другие. Американцы предлагали остаться, но семья моей прабабушки рвалась домой. Только домой! На родину добирались больше месяца: иногда удавалось ехать в теплушке, но большую часть пути шли пешком. Сердце обливалось кровью при виде городов и сел, лежавших в руинах.

Когда голодные, совсем без сил добрались до родного порога, просто выдохнули: «Все, мы дома!»

Через несколько лет мои дорогие прадедушка и прабабушка поженились. Жизнь послевоенная была очень тяжелой. Работали не покладая рук и дома, и в колхозе. Прабабушка — дояркой, а прадедушка — сторожем. Семья увеличилась: родилось четверо детей. Нарадоваться на них не могли. Но прадедушка очень болел, у него были большие проблемы с легкими: сказалось пребывание в партизанских лесах и болотах. Попробовали переехать поближе к морю, но здоровье прадедушки не улучшалось. Тогда вернулись в родную Гуту, веря в то, что помогут хвойные леса, которых здесь было много. Нет ничего дороже родной земли, родных полей и лесов.

Прадедушка любил в свободное время ходить за грибами, помогал жене по хозяйству.

Прабабушка была рукодельницей, мастерицей на все руки. Очень вкусно готовила, хотя продуктов особенно-то и не было.

Это те немногие, но очень дорогие для меня воспоминания моего дедушки Василия Степановича о моих дорогих прадедушке Степане Корниловиче и прабабушке Ольге Авраамовне.

Полина ПИЛЮТИК

Мой дедушка — афганец

Моя семья большая и дружная. Мама, папа, младшая сестра Ангелина и я, Полина. И любимые нами бабушки и дедушки: мамины родители Сергей Сергеевич и Анна Васильевна, и папины — Валентина Николаевна и Николай Владимирович. Они очень добрые, заботливые, внимательные. О них я обязательно тоже напишу. Это будет история моей семьи. Но сейчас мне очень хочется рассказать о дедушке Сергее Сергеевиче Данилюке.

Дедушка очень внимательный и добрый. Они с бабушкой часто бывают у нас. И всегда привозят угощения, подарки.

Но для нас главное — общение с дедушкой. С его приездом в доме становится шумно, весело. Он обязательно спросит о наших делах, о школьных новостях, и нам приятен его неподдельный интерес. И мы с сестрой наперебой все рассказываем.

А когда все немного успокоятся, уже после чаепития с мамиными и бабушкиными пирогами, общение с дедушкой переходит в другое русло. Мы просим рассказать дедушку о времени, когда он служил в армии.

Для нас эти воспоминания не просто интересны, они нам очень необходимы. В них любимый дедушка уже не просто дедушка, а человек, который был солдатом Советской армии и службу проходил в далеком от Беларуси Афганистане.

Тогда там шла война, о которой мы не раз говорили на уроках истории, много читали и смотрели фильмы. Мы понимаем, что это еще одна страница истории нашей страны, очень важная страница.

Дедушка в составе ограниченного воинского контингента прибыл выполнять свой воинский долг в чужую далекую страну с непонятными традициями и чужим языком.

Родился он 17 августа 1962 года в Бресте, где и сейчас живет. Работает водителем в компании «Бресткоммунпроект». Дедушка всегда был и остается общительным, веселым, у него много друзей. Он очень любит музыку, хорошо играет на гитаре. По характеру дедушка добрый, очень любит справедливость, всегда имеет свою точку зрения.

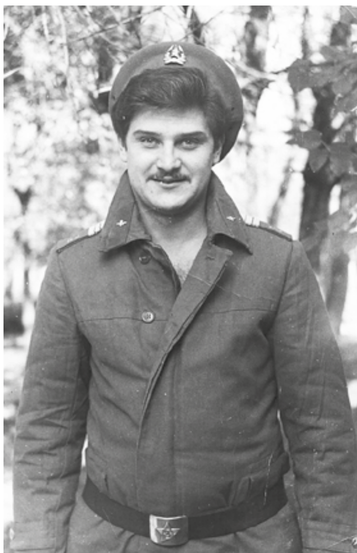
Годы службы в армии дедушка вспоминает как самые особенные, самые незабываемые в своей жизни. Он бережно хранит солдатский альбом, где много фотографий его друзей, с которыми свела армейская служба. Дружба молоденьких бойцов была крепкая, они всегда готовы были в трудную минуту помочь товарищу, выручить из беды. Именно дружба помогла сохранить жизнь многим бойцам, участвующим

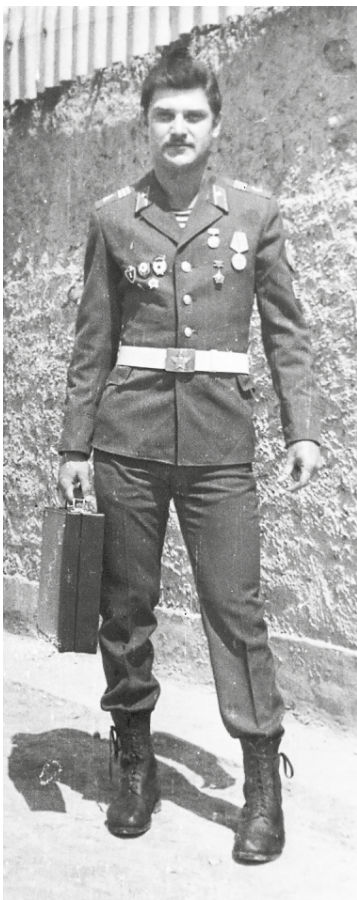
в выполнении труднейших и сложнейших боевых заданий.

Мы с интересом слушаем его рассказы о них, о том, как вместе выполняли свой интернациональный долг в далекой чужой стране.

Дедушка служил в Кундузе, Пули-Хумри, Герате, Мазари-Шарифе, Файзабаде, Баглане. Он был разведчиком, и я понимаю, что это было очень непросто. От того, как будет проведена разведка и разработан план предстоящей операции, зависел ее исход. О том, как проходила служба, дедушка не любит рассказывать. Все больше говорит о своих боевых товарищах, о настоящих героях, из которых не все, к большому сожалению, вернулись живыми домой. Показывает их на фото, иногда подолгу молчит, и мы тихо ждем продолжения рассказа.

Пока дедушка Сергей Сергеевич служил в армии, моя бабушка Анна Васильевна ждала его, писала ему письма, посылала поздравительные открытки. А когда представилась возможность, ездила

в Афганистан. Очень переживала, как он там, как служится ему. И нечастые весточки от него становились огромной радостью: значит, жив и здоров был любимый. О войне в Афганистане тогда почти ничего не сообщалось, но люди знали, что там все непросто, что там погибают советские военные, выполняя свой интернациональный долг.

Я горжусь тем, что мой любимый дедушка, как и тысячи других советских военных, с честью выполнил свой солдатский долг.

Листая дедушкин альбом, я всматриваюсь в лица совсем юных солдат, незнакомых мне людей, и ловлю себя на мысли, что это особенные лица. Какие это юные, но очень мужественные люди, на долю которых выпали суровые испытания, но они не дрогнули, не подвели! А когда дедушка вернулся домой, то вскоре женился на верно ждавшей его любимой девушке. А спустя некоторое время у них родилась доченька, моя мама Майя.

И началась история новой счастливой семьи.

Воевал вместе с Петром Машеровым

Большой всенародный праздник День Победы всегда является торжественным и волнующим для каждого из нас. Белорусский народ никогда не забудет тех, кто защищал родную землю, кто отдал жизнь за нашу свободу и счастье.

Моего прадедушку зовут Иван Ульянович Нестеров. Он прошел две войны. В годы Великой Отечественной воевал на Витебщине, был в партизанах. В это время он и познакомился с П. М. Машеровым.

На Витебщине, в Россонах, партизанским движением руководил Петр Миронович Машеров. Его любили все белорусы и гордились им. А до войны он был простым учителем. В наше время в Россонах на берегу озера стоит памятник П. М. Машерову. Здесь фашисты расстреляли мать Петра Мироновича. Мой прадедушка хорошо знал П. М. Машерова, всегда вспоминал его самыми добрыми словами.

В Россонах в музее боевого содружества есть фотография моего прадедушки. Это фотография времен гражданской войны: прадедушка воевал уже тогда.

В одном из боев прадедушка был тяжело ранен, и в партизанском госпитале ему ампутировали ногу. Никакого наркоза не было, дали выпить спирта — и все обезболивание. Но медлить было нельзя, иначе бы прадедушка погиб.

У моего прадедушки есть боевые награды: Орден Великой Отечественной войны, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

Мы бережно храним их как самые дорогие реликвии: в семье хорошо помнят рассказы прадедушки о том, за что он их получил. Только самого прадедушки, к сожалению, уже нет, он умер в 1990 году.

Мемориальный сквер в райцентре Россоны Витебской области, где захоронено более 2,5 тысячи советских воинов и партизан. Инициатором строительства выступил П. М. Машеров. Здесь же захоронена и его мать — Дарья Петровна, расстрелянная фашистами 16 сентября 1942 года

Мария КОВАЛЕВСКАЯ,
выпускница кружка «Вдохновение»,
ГУО «Средняя школа д. Чернавчицы»

8 лютага 100 гадоў з дня нараджэння Івана МЕЛЕЖА

Іван Паўлавіч Мележ (8 лютага 1921 г., в. Глінішча, Хойніцкі раён, Гомельская вобласць — 9 жніўня 1976 г., Мінск) — беларускі празаік, драматург, публіцыст.

Нарадзіўся ў сялянскай сям'і. Вучыўся спачатку ў пачатковай школе ў родным Глінішчы, потым — у Алексічах, заканчваў дзесяцігодку ў Хойніках.

Пасля сканчэння сярэдняй школы працаваў у райкаме камсамола ў Хойніках. У 1939 годзе І. Мележ становіцца студэнтам маскоўскага інстытута, але з першага курса быў прызваны ў армію.

У 1940 годзе ўдзельнічаў ў паходах на Бесарабію і Букавіну. З пачатку Вялікай Айчыннай вайны ваяваў пад Нікалаевам і Растовам-на-Доне, быў сур'ёзна паранены ў правае плячо. У 1942 годзе скончыў курсы палітработнікаў і быў камандзіраваны ў 51-ю стралковую дывізію супрацоўнікам газеты. Пад Растовам ў другі раз быў паранены і камісаваны.

Пасля пераезду ў Бугуруслан Арэнбургскай вобласці Мележ адначасова вучыўся ў педінстытуце і працаваў у мясцовай газеце «Бугурусланская правда». У 1943-м Івана пераводзяць у Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, які знаходзіўся тады на падмаскоўнай станцыі Сходня. Дыплом аб вышэйшай адукацыі атрымаў ужо ў Мінску. Затым Іван Паўлавіч паступіў у аспірантуру, выкладаў беларускую літаратуру ва ўніверсітэце.

Затым працаваў у рэдакцыі часопіса «Полымя», у апараце ЦК КПБ. Член Саюза пісьменнікаў СССР з 1945 года, у 1971–1974 гадах — намеснік старшыні праўлення СП.

Памёр Іван Паўлавіч Мележ 9 жніўня 1976 года, пахаваны на Усходніх могілках у Мінску.

У 1946 годзе выйшаў зборнік «У завіруху». У 1948 годзе была выдадзена кніга «Гарачы жнівень». З 1947 па 1953 год ён працуе над раманам «Мінскі напрамак», прысвечаны аперацыі «Баграціён».

Апавяданні і аповесці 1950-х гадоў склалі тры зборнікі прозы: «Блізкае і далёкае» (1954), «У гарах дажджы» (1957), «Што ён за чалавек» (1961).

Іван Мележ — аўтар цыкла раманаў «Палеская хроніка»: «Людзі на балоце» (1962), «Подых навальніцы» (1966) і «Завеі, снежань» (1976). У раманах выявілася ідэйна-мастацкая маштабнасць асэнсавання складаных абставін калектывізацыі на Палессі 1920–1930-х гадоў. «Палеская хроніка» стала нацыянальнай эпапеяй.

АСТРАМЕЧАЎСКІ РУКАПІС

БРЭСЦКІ РАЁННЫ КРАЯЗНАЎЧЫ АЛЬМАНАХ • № 1 [33]•2021

